

Рисунок В. Бахтина

Scanned by:
Serg_Niki

ЛУННАЯ РАДУГА

НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

— Где мы? — спросил человек.
— На звездной дороге, — ответил
Звездный олень. Сверкнув рогами, гра-
циозно выгнул шею и посмотрел впе-
ред. — Пойдем?
— Конечно. Другого пути у нас нет.
И они пошли рядом.

Глава 1. К ВОПРОСУ ОБ АЛЛИГАТОРАХ

Спасаясь от пены, Фрэнк бросился в круг-
лый лаз какого-то коллектора. Труба кол-
лектора не могла быть глухой: в конце ее,
хотя и слабо, но все же светилось отверстие
выхода, и это весьма обнадеживало. Пена
шла буквально по пятам, и Фрэнк, со всей
в его положении резвостью, пробирался впе-
ред.

Труба выходила в небольшой овальный тускло освещенный зал и неожиданно заканчивалась широким раструбом — довольно высоко над полом. Фрэнк высунулся из трубы по пояс. Сделал попытку ухватиться за верхний край раструба. Не удалось. Прыгать вниз головой не хотелось, но другого выхода не было. Фрэнк вытер потное лицо испачканным ржавчиной рукавом, привстал на руках и, рывком подтянув ноги, швырнул себя в воздух.

Приземлился он сравнительно мягко — «кошкой». Вскочил, внимательно осмотрелся, насколько позволило тусклое освещение. Было жарко и сыро, где-то шумела вода. Только теперь ему пришло в голову, что здешние лабиринты очень напоминают нижние ярусы старой венецианской базы «Маммут».

Побаливало бедро — результат поспешного сбега по спиральному желобу во время пожара в кольцевой галерее. Впрочем, легко отделался. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не заприщипил спасительный желоб еще до того, как сработали огнетушители. Фрэнк с омерзением сплюнул (создателей пены стнюдь не заботили ее вкусовые достоинства), поправил под мышкой кобурку с бластером, пошел в обход зала.

Не считая массивной решетки, запирающей низкую полуовальную амбразуру, непонятного назначения, зал был пуст. Фрэнк вынул нож, включил вмонтированный в рукоять фонарик и направил его за решетку. Луч упал на глянцевую поверхность воды. Должно быть, бассейн. И, наверное, очень большой, потому что свет фонаря не достигал противоположной стенки. Над водой курился туман. Фрэнк бесполезно подергал решетку. Похоже, зал — это вовсе не зал, а просто большая цистерна...

Фрэнк осмотрел гладкие стены и понял, что наверху они не сливаются с потолком. Потолочная крышка наверняка приподнята над краем этого металлического стакана, иначе под крышку не проникали бы отблески внешних светильников. Вдоль стены свисала тонкая труба — конец трубы не слишком высоко, и если подпрыгнуть... Выхватив бластер, Фрэнк стремительно обернулся — ему почудилось какое-то движение наверху, с тыла.

Минуту он всматривался в гребень стены — оружие на изготовку. Вокруг все было спокойно. Подозрение, что это, быть может, выглядывал дыроглаз, мало-помалу угасло. Почудилось, значит... А жаль. Влепил бы заряд с удовольствием.

Фрэнк спрятал оружие и, немного расслабившись перед прыжком, направился к тонкой трубе. Лязгнул металл — бзанг! — Фрэнк потерял под ногами опору. Падая в темноту, он инстинктивно сжался, защищая руками голову от удара. Шумный всплеск...

Вынырнув, Фрэнк перевел дыхание и бешено взглянул вверх. В зените — светлый круг, похожий на большую тусклую луну.

Бегемот! Недотена! Безмозглый осел! Надо же — лок обойти не сумел!..

Потом он решил, что «безмозглый осел» — это, пожалуй, немного слишком. Тем более, что встретился не просто лок. Обыкновенный лок он бы, конечно, заметил. Это — что-нибудь наподобие входа в сливной колодец, закрытого многолетственной диафрагмой. Знакомые штучки... Когда диафрагма не заперта, по ней и лиса не пройдет.

Он поводил рукой в темноте и нащупал шершавую стенку. Ухватиться здесь было не за что. Откуда-то струйками лилась вода, малейший всплеск порождал звучное эхо. Вода имела неприятный привкус металла. На фоне тускло светящейся горловины люка появился силуэт округлого выступа — впечатление такое, будто в лок заглядывает чья-то голова... Фрэнк сделал вид, что достает бластер. Силуэт моментально исчез. «Мне бы такие глаза!» — позавидовал Фрэнк.

Он включил фонарик, поводил тонким лучом. Да, колодец... Точнее — колодезный резервуар, заметно сужающийся кверху. Бурые от налета ржавчины голые стены. Примерно на половине высоты колодезного ствола темнели отверстия, из которых сочилась вода. Лестничных скоб, на которые очень рассчитывал Фрэнк, в колодце не было. Натуральная мышеловка...

Прежде всего он подумал о бластере. Конечно, можно выжечь в стене лесенку углублений до самого верха. Но... во-первых, как увереешься от брызг расплавленного металла? Не говоря уже о том, что стена имеет отрицательный угол наклона, пусть не очень крутой, но достаточный, чтобы лишить эту затею всякого смысла. Да, стрельба отпадает...

Держась на плаву, он упрямо высвечивал удручающе голые влажные стены. «На «липучках» я выбралась бы отсюда в два счета...» — с раздражением подумал он. Вдруг в глаза ему бросилось то, на что следовало бы обратить внимание с самого начала: стены были влажными отнюдь не по всей длине ствола. Несколько выше сливных отверстий пролегалла хорошо заметная граница, дальше которой ствол был сухим. Вода стояла высоко, потом куда-то ушла. И ушла ведь недавно — стены еще не успели обсохнуть!.. Подельфиньему перевернувшись вниз головой, Фрэнк пошел в глубину.

Погружался он с фонарем, но мало что видел в мутной воде. Короткое лезвие света будто освещало само себя, кончик его расплывался в дымчатой мгле, как в тумане. И Фрэнк приятно был изумлен, когда неожиданно быстро наткнулся на вход в подводный тоннель. Он сразу понял, что это тоннель, хотя входное отверстие было занято эластичной и скользкой на ощупь мелкоячеистой сеткой. «Фильтр!..» — догадался Фрэнк, вспарывая преграду ножом.

Вода в тоннеле оказалась чище, и Фрэнк сумел разглядеть там, в конце, желтое пятно второго фильтра. «В конце ли?...» — коротко

подумал он, устремляясь вдоль подводного коридора. Мысль о рискованности подводной разведки не беспокоила его — он доверял автоматизму своего чутья, зная по опыту тренировок, до какой степени безошибочно можно оценивать соотношение кислорода в крови с пройденным расстоянием. Главное в «мертвой зоне» — проверенный путь к отступлению, все остальное Фрэнк полностью возложил на чутье и больше об этом не думал — для размышлений требовалось время, а его как раз и не было. Если б он стал размышлять, он бы погиб.

Путь к отступлению не пригодился. Продравшись через вторую преграду, Фрэнк довольно уверенно определил, что оказался в новом колодце, и прежде чем всплыть, посетил фонариком вверх — больше всего он опасался подводных решеток. В ответ блеснула зеркальная пленка воды.

Фрэнк всплыл, осмотрелся и понял, что совершил бросок через «мертвую зону» не зря. Колодец был просторнее прежнего, но отсюда ничего не стоило выбраться. Вдобавок здесь было гораздо светлее: в отверстие люка заглядывал сверху краешек светильника. Прямо перед глазами темнел колузатоппленный зев второго тоннеля, в мрачной его глубине что-то надсадно шипело и булькало, но Фрэнк любопытства к этому не проявил. От поточной кромки тоннеля шел в сторону люка вертикальный ряд вделанных в стену коротких стержней с черными набалдашниками. Назначение стержней было для Фрэнка загадкой, однако они вели кверху, и это его вполне устраивало. Он влился в туннель, нащупал коленями пол.

Здесь можно было стоять почти во весь рост. Вода доходила до бедер. В глубине тоннеля продолжало шипеть и булькать, будто кто-то огромный усиленно колоскал ошннее горло и все время пробовал, каковы результаты. Результаты были неважные. Фрэнк хотел привалиться спиной к удобной выгнугой стене (дать себе минутную передышку), но не успел: на воду упала тень. Медленно, очень медленно он вынул бластер, отклонился к самому краю тоннеля. Застать дыроглаза врасплох можно было только внезапным выстрелом из-за укрытия...

Вспышка выстрела озарила колодец. И сразу стало темно. Брэнча о стены, сверху сыпался стеклянный мусор. Фрэнк отстранился и, когда осколки перестали шлепаться в воду, выглянул снова. Отверстие люка фосфоресцировало в темноте голубоватым пятном... Фрэнк машинально спрятал оружие. Он понятия не имел, удалось ли подбить дыроглаза. Вот в светильник влезил — это уж точно. Великолепное попадание. Метко и глупо.

На ощупь стержни были не из металла. Эти штуки лохотили на игрушечные гантели, крепко вделанные в стену и облитые слоем упругого пластика. Расстояние между ними около метра — подниматься легко. Сначала Фрэнк карабкался вверх, подтягиваясь на руках. За-

тем с помощью ног дело пошло веселее. Пятый, шестой (профессиональная привычка считать пройденные ступеньки)... восьмой, девятый... Стоп! А, черт!.. Десятый стержень выскочил из гнезда, и секунду-другую спустя снизу донесся всплеск. Фрэнк включил фонарик, осветил над головой. Так, стержня нет, но зато есть отверстие. Дальше — последний стержень и люк... Был соблазн: вставить в отверстие палец и вскарабкаться на ступеньку выше. Одной ступеньки достаточно, чтоб добраться до крайнего стержня...

Фрэнк преодолел соблазн, вставил в отверстие нож — раздался треск, полетели искры электрического разряда, запахло жженым пластиком и озоном. Да, совет туда пальцы не стоит, изоляцией стержни покрыты не зря. Но как быть? Не висеть же на этой стене бесконечно!..

Исполнив сложный акробатический трюк, Фрэнк стащил с себя мокрую куртку, снял портупею. Куртку он вышвырнул в люк, а портупею наверхнул на руку так, чтобы из кулака свешивалась достаточно длинная ремешковая петля. Взмах — и петля зацепилась за верхний стержень с первой попытки. Стержень выдержал несколько пробных рывков. Остальное было делом мускульной силы и гимнастической техники.

Выбравшись наружу, Фрэнк взглянул на часы. Ему казалось, будто он провозился в колодцах четверть века. Прошло всего пять с половиной минут.

Сердечник разбитой колонки светильника, пульсируя голубым огоньком, потрескивал, как цикада. Под ногами хрустели осколки. На всякий случай Фрэнк прощупал окружающий сумрак лучником фонаря. Быстро разделив одежду, он заботился, чтобы бластер все время был под рукой.

Пространство, где он находился, представляло собой суженное кверху ущелье, стиснутое тремя ярусами бетонных откосов. Ущелье имело два выхода: совершенно темный круглый тоннель и прямоугольный коридор, в конце которого виднелся скупое освещенный тамбур. Фрэнк выбрал коридор и, соблюдая осторожность, бесшумно скользнул вдоль стены.

Дойдя примерно до середины коридора, он услышал странный чавкающий звук, остановился. Посетил, но ничего подозрительного не заметил. Двинулся дальше и только у самого выхода обнаружил большой круглый люк, диаметром почти во всю ширину пола.

Люк был открыт. В его горловине, обнесенной невысоким бортиком, колыбалась и бурилась бугристая беловатая масса. Фрэнк, попятился. Можно было бы попытаться проскочить между бортиком и стеной, однако он не знал, что собой представляет эта бурристая мерзость, и не хотел рисковать. Он пригнул на глаз ширину пренатствия, разогнулся и прыгнул.

Пол у выхода был скользким, Фрэнк едва удержался на ногах, и, не останавливаясь, выскочил в тамбур — если тамбуром можно

назвать узкий загон, с трех сторон ограниченный стенами, внешняя из которых доснилась блестящим неокрашенного металла. «Загон» не имел потолка, источники света находились где-то очень высоко, и Фрэнк, задрав голову, увидел, что свет пробивается полосами сквозь многорядье ажурных металлоконструкций; среди решетчатых форм, балок, труб, вантовых переходов, затеняя и без того скудное освещение, висели прикрепленные к опорным мачтам огромные тупоносые баки. Шагах в пяти-шести пол обрывался в темноту. Фрэнку даже фонарь не понадобился — по шуму воды догадался: выход к бассейну.

Где-то на полпути к воде металлическая стена резко забирала вправо, и Фрэнк, полагая, что в его положении все-таки лучше двигаться посуху, свернул за угол. В глаза ударил прожекторный луч ослепляющей яркости, Фрэнк отскочил назад. Блеснула зарница, яростно зашипело, и на бетонной стене, освещенной прожектором, вздулся малиново-красный волдырь. Полыхнувшее пламя обдало жаром лицо, Фрэнк инстинктивно зажмурился. Вот как! Кто-то вел по нему прицельный огонь. Причем — из машины тремя классами выше его несчастливого бластера...

Что-то мягко обвило ботинки, коснулось колен, Фрэнк замер. Медленно вынул оружие из кобуры. После малиновой вспышки перед глазами все еще плавали радужные пятна, и первые секунды он таращился, не понимая, что это ползает и копошится у ног.

Белесые липкие стебли червеобразными движениями узорно пытались взобраться выше колен. Фрэнк дернулся и почувствовал мягкое, но сильное сопротивление. Неожиданно клейкие стебли натянулись подобно упругой резине, и Фрэнк едва не свернулся на пол. Распластавшись спиной на стене, он обернулся. И чуть не выронил бластер. Буквально рядом — руку протянуть! — колыхался холм желеобразного вещества. В тамбуре его скопилось уже предостаточно, однако новые массы слизи напирали из коридора, сползая поверх студенистого холма широкими жирными складками. Фрэнк спрятал бластер и выхватил нож. Он узнал «бледную эльву» — быч венерианских рудников, быстрорастущую слизь, — но в таком количестве видел эльву впервые. В тягучем, судорожно-медленном передвижении ее отростков и складок было что-то беспомощно-жалкое и одновременно мерзкое. Освобождаясь, Фрэнк несколькими взмахами ножа отсекал дрожащие клейкие побег.

Десяток секунд он выиграл, и этим надо было воспользоваться. Он быстро сорвал с себя куртку, размахнулся и выбросил ее из-за угла вверх под прожекторный свет. Блеснула зарница. Мгновенно Фрэнк пересек освещенный участок, извернулся ужом, распластался в тени за укрытием. Рядом, распространяя удручающий чад, догорали лохмотья расстрелянной куртки.

Укрытие выглядело надежным: вертикальная связка толстых труб, прикрепленная к

опорной мачте. Далеко наверху связка разветвлялась отдельными трубопроводами, которые разбегались в разные стороны веером, пересекая решетчатые фермы. Путь наверх казался заманчивым, однако Фрэнк понимал, что стрелку (даже если он один) ничего не стоит «снять» идущего верхом первым же выстрелом сквозь это металлическое решето.

Фрэнк прислушался к шуму воды. Придется снова купаться — выбора нет. Быстро вскарабкался по мачтовым перелетам на достаточную для его замысла высоту и почти наугад пальнул из бластера в сторону прожектора. Так же быстро спускаясь, он видел вспышку ответного выстрела. Что-то с грохотом лопнуло над головой, из продырявленной трубы с ревом забила струя перегретого пара, все окружающее утонуло в мутной пелене. Фрэнк подивился эффектному результату: казалось бы безобидной дуэли и, не теряя времени, бросился в воду. Он чуть не захлебнулся и, вынырнув на поверхность, ошарашенно глотал пронитанный паром воздух. Вода в бассейне была почти нестерпимо горячей!

В жарком сумраке ничего не было видно. Фрэнк нащупал стенку бассейна и пополз вдоль нее, рассчитывая обойти стрелка с левого фланга. Скоро он вынужден был признать, что рассчитывал на это зря. Стенка высокая, гладкая — ни единого выступа. Она служила хорошим прикрытием — и только, ухватиться за верхний край невозможно.

В умеренной глубине бассейнового пространства над темной водой возвышалась какая-то мачта. Или колонна. Или просто большая труба. Фрэнк без всплеска ушел под воду — благо она была здесь гораздо прохладнее — и так же бесшумно вынырнул вблизи колонны. С верхушки этого столба свисали в бассейн ржавые цепи. Пошарив вокруг основания, Фрэнк обнаружил удобный уступ. Теперь он мог стоять над водой и, затаившись в укромии, изучать позицию стрелка.

Набережная просматривалась как на ладони. Там, откуда светил прожектор, громоздились исковерканные взрывом скелеты обрушенных ферм, переломленный надвое остов опорной мачты, раздавленный бак. Над взорванным участком серебрилась паутина обвисших вантов. Труба, пробитая выстрелом, все еще клокотала, как гейзер, прожекторный луч шарил в клубящемся облаке пара. Возле прожектора копошилась продолговатая тень, иллюминированная двумя неярко фосфоресцирующими шарами. Фрэнк всмотрелся: на дыроглаза эта штука совсем не похожа...

Постепенно он разобрался в главных особенностях внешнего вида противника. По форме это был гриб с коническим утолщением ножки у основания. Криво посаженная широкополая шляпа «гриба» периодически меняла наклон — очевидно, вращалась. Фосфоресцирующие голубовато-серые шары, казалось, свободно разгуливали по краям шляпного ко-

нуса, сближаясь, сталкиваясь, разбегаясь...

Тело колонны было прохладным, шершавым от ржавчины — удобный упор для плеча. Фрэнк обеими руками поднял бластер. Застыл, наблюдая поверх прицела игру светлых шаров. Руки держали бластер твердо, но очень мешало ощущение неловкости происходящего.

Фрэнк выстрелил. Один из шаров рассыпался ярко-зелеными искрами, «гриб» покачнулся. Уцелевший шар забегал на «шляпке» с удвоенной скоростью. Глаз прожектора спокойно вращался в поисках снайпера — луч, словно стеклянный шип, шарил в бассейне. Фрэнк, задержав дыхание, выстрелил снова и отступил за колонну. Фейерверк ярко-зеленых искр, металлический лягз и оглушительный грохот...

Грохот затих. Минута настороженного ожидания. Слышно, как в воду шлепаются капли. Луч прожектора запрокинулся вверх и теперь, строго вертикальный и неподвижный, как мраморный обелиск, бессмысленно светил в зенит. Фрэнк снял ботинки, вышлепнул воду, обулся, перепрыгнул на ближнюю цепь. Подниматься по звеньям было удобно.

На верхушке колонны он обнаружил массивный кронштейн. На нем — трехлопастный барабан с большими ржавыми зубьями. Тяжелые нити цепей поднимались на барабан, огибали его по желобам зубчатых блоков и, сильно провисая над водой, тянулись в противоположном от набережной направлении. Полумрак, ступившийся там почти до полной непроницаемости, не позволял разглядеть, куда вела «дорога трех цепей», и Фрэнку это не нравилось. Однако он понимал: ожесточенный поединок с грибовидной шароглазой тварью — верный признак того, что по набережной его не пропустят.

Цепи были натянuty неравномерно. Чего уж проще: топай себе по нижней цепочке, а за ту, которая выше, придерживайся для страховки рукой... Но хождение по цепям оказалось делом настолько своеобразным, что Фрэнк быстро взмок от усердия и, раскачиваясь над водой, дивился собственной самоуверенности. Именно потому, что цепи натянuty неравномерно, амплитуды их качаний не совпадали, и приходилось тратить много усилий, чтобы не потерять под ногами опору. Ближе к середине прогиба «веселая» качка перешла в беспорядочную грубую болтанку. Фрэнк посмотрел вниз. Темно... Кроме желтовато-серой полосы, пересекавшей черный бархат пространства перпендикулярно «дороге цепей», ничего не видно. Скорее всего — это задняя стенка бассейна, отражавшая тусклый свет набережной. Или общая стенка двух смежных бассейнов... Пробираясь над полосой, Фрэнк почти был уверен, что слышит какие-то странные тихие всплески.

Толчок снизу был неожиданно сильным, как залп аварийно-спасательной катапульты. Перевернувшись в воздухе, Фрэнк, падая, успел

ухватиться за звенья одной из цепей. Повис. И только теперь сообразил, что случилось. Цепи двинулись. Двинулись шумно и резко, увлекая его в темноту.

Лязг и скрежет напомнили Фрэнку, что дело может окончиться зубчатым барабаном. Или чем-то похуже... Что могло быть хуже ржавых шипов, он доискиваться не стал — времени для размышлений не было.левой рукой он выхватил нож-фонарь, осветил вниз. Догадка о смежных бассейнах, к его облегчению, подтвердилась — вода!.. Ничего другого не оставалось, как отбросить в сторону нож, разжать пальцы и...

Фрэнк вынырнул на поверхность, выплюнул воду, поискал глазами огонек фонарика — ручка сделана из пенопласта, поэтому нож должен был всплыть. Должен был... Мрак стоял плотной стеной, ни единого проблеска. Спасибо, хоть вода прохладная и, судя по вкусовым ощущениям, чистая.

Фрэнк немного проплыл наугад, остановился. Он чувствовал: в бассейне что-то происходит. Неясный приглушенный гул, шипение, уже знакомые всплески, бульканье... Из-за скрежета и лязга проклятых цепей разобраться в хаосе странных и не очень громких со звуком было трудно. Фрэнк подсаживал на себя за то, что так легкомысленно понадеялся, что нож всплывет. Темнота начинала действовать ему на нервы. Он даже нырнул с открытыми глазами, чтобы проверить, не светит ли крохотный огонек где-нибудь в глубине. Затем была напрасной — с таким же результатом можно было нырнуть в цистерну с чернилами.

Выбырнув на поверхность, он уже не услышал лязга и скрежета — цепи остановились. Источник гула, шипения, бульканья явно приблизился, но не стал от этого более понятным — странные звуки сливались теперь в однообразный ровный шум, — Фрэнк терялся в догадках. Он вдруг ощутил, что его подхватило и понесло куда-то быстрое течение. Встревоженный и удивленный, он чуть помедлил, не зная, что предпринять. Чтобы выиграть время, поплыл против течения, но скорость воды стремительно возрастала (он это чувствовал), и ему поневоле пришлось вступить в схватку с потоком. В какой-то момент показалось, будто из темноты надвигается пенистый вал. Фрэнк инстинктивно отпрянул, попытался рывком уйти от захвата. Понял свою ошибку и прекратил бесполезное сопротивление. Никакого «пенистого вала» не было. Была воронка мощного водоворота!..

В водяную ловушку Фрэнк попался впервые, однако довольно отчетливо представлял себе физический механизм ее действия. Для пловца, затянутого водоворотом, практически существует одна возможность спастись: не изнуряя себя в неравной борьбе, пойти ко дну. У самого дна круговой ток воды сжимается, ослабевает, и пловец с хорошим самообладанием имеет немалые шансы быстро по-

кинуть опасную зону и всплыть достаточно далеко от воронки. Те, кто идет ко дну, чтобы погибнуть, почти обязательно гибнут, а те, кто расчетливо погружаются, чтобы спастись, как правило, выживают. Все зависит от гибкости человеческой психики. Но если имеешь дело с водоворотом в бассейне... Здесь едва ли не все зависит от диаметра и длины трубы водосбора, у входа в которую и образуется мощный водоворот.

Крутящийся поток буйствовал, норовил захлестнуть, брызгал пеной в лицо. Фрэнк чувствовал близость центра воронки и старался выровнять дыхание. Он знал, что способен продержаться без воздуха ровно три минуты, и при любых обстоятельствах не был намерен сокращать этот скудный запас жизненно важного времени хотя бы на одну секунду.

Воронка чмокнула, заглатывая добычу. Фрэнк вскинул руки над головой, погрузился в круговорот...

Путь по трубе водосбора был, к счастью, недолог: сумасшедший поток с минуту шумно бурлил тьму, затем выплеснул свою жертву куда-то в наполненное синим светом пространство и, напоследок обрушив на Фрэнка многотонные массы ревущей воды, неожиданно успокоился.

Ошеломленный Фрэнк медленно всплыл на поверхность. Сощурил глаза, привыкая к прозрачному ультрамарину. Первое, что он увидел отчетливо, была лесенка, прикрепленная к стенке бассейна.

Фрэнк взмог на ступенькам, снял портупею с оружием, опустился на паранет. Лег на спину и, расслабив мышцы, окинул взглядом ультрамариновый прямоугольник потолка.

Металлическая облицовка паранета холодила затылок, потолок покачивался. Фрэнк смежил веки, чтобы не видеть этого покачивания. Удивительно устроен человек. Кажется, сейчас ничто не в силах заставить его шевельнуться, несколько минут неподвижности — вопрос жизни и смерти, не меньше. Но явись такая необходимость, он встанет, измененный, мокрый, вернется к исходной точке и снова проделает тот же путь на втором или третьем дыхании. На четвертом, пятом, шестом... Пока не рухнет ультрамариновый потолок.

Под сомкнутыми веками покачивалось море синеватой мглы, и Фрэнк позволил себе погрузиться в чужую полудрему...

Мягкие губы знакомо пощекотали предплечье.

— Ты? — беззвучно спросил он.

— Я, — ответил Звездный олень.

На широко раскинутых дивных рогах капельный блеск незнакомых созвездий. Это было печально и уже не тревожило так, как тревожило раньше.

— Ты да я... Обмен весьма содержательной информацией. — Беззвучные ленты фраз чайками падали в темную с просинью глубину. — Что скажешь, верный товарищ?

— Попутчик, — поправил Звездный олень.

Выпрямил шею, словно смотрел далеко в прозрачную ночь. — Дорожный попутчик из твоего румяного детства... Ты возмужал, помнил. Научился бездумно орудовать бластером.

— Бездумно?

— Не нравится это слово? Возьми другое: бесцельно. Также не нравится? А хочешь знать, почему?

— Да, любопытно.

— Потому что постоянно чувствуешь себя участником глупейшего аттракциона. И здесь и там — наверху. Ты не обиделся?

— Нет.

— Прости, сегодня я откровенен.

— Спасибо. Однако ты упускаешь из виду одно обстоятельство.

— А именно?

— Видишь ли, самое скверное не то, что приходится орудовать бластером на полигонах нежества. В конце концов, это частность...

— Я говорил об иллюзорности выдуманной цели вообще.

— А я беру шире и говорю о тупиках человеческих представлений. Да, мне приходится быть еще беспощаднее. Я объясню, почему... Люди неплохо знают себя в пределах Земли. Много хуже — в пределах Системы. Но в звездных масштабах... Там — Неизвестность. И против нее нет у нас философского иммунитета. Против неожиданностей космоса иммунитет просто немислим... Наше лихое стремление к якобы романтическим и якобы дивным мирам постепенно сходит со сцены. Мы слишком рано придумали для себя место в Галактике. Теперь же, увязнув в труднейших делах освоения Солнечной Системы, мучительно размышляем, какое такое место нам уготовила в своих пределах сама Галактика... Мы в тупике. В глухом тупике собственных представлений.

Веки дрогнули — синяя тьма озарилась длительной вспышкой: в зале включили белое освещение.

Со стороны набережной раздалися шаги. Кто-то приблизился и со стуком поставил что-то твердое на паранет. У самых ног послышался скрежет. Фрэнк приподнял голову и, ицурясь, посмотрел поверх собственных ботинок. Это был Вебер. Сидя на паранете, Вебер сосредоточенно вспарывал жестянку с пивом. У него было красное от загара лицо, на лбу и щеках шелушилась кожа.

— Устал? — спросил он, однако не отвлекаясь от дела.

Фрэнк не ответил. Нащупал затылком прохладное место и обозрел потолок. Теперь потолок был белого цвета, неподвижный и выглядел вполне благополучно. В тишине приятно скрипела жестянка.

— Ничего. Двадцать минут пассивного отдыха, теплый душ, сухая одежда — и снова будешь в отличной форме. — Вебер со скрежетом отодрал крышку от банки:

— Пей.

— Кажется, ты мне сочувствуешь, Мар-

тин? — Фрэнк попеременно поднял ноги, чтобы вытряхнуть из ботинок воду.

— Нет, я тебя поздравляю. Как ты догадался, что проще всего уничтожить шары?

— Это старо, как... Ладно, догадался и все тут. — Фрэнк сел и потянулся к банке. Пиво было отличное, с привкусом поджаренных орехов, но слишком холодное.

— Если бы ты промазал или выстрелил в корпус киберы, мы устроили бы тебе хорошую баню, — доверительно сообщил Вебер.

— Тоже верно. Зачем разминиваться на мелочи вроде пожаров, эльвы средневековых цепей на барабанах с шипами?..

Помолчали. Фрэнк машинально взбалтывал пиво и пил небольшими глотками. Вебер смотрел на его руки: ему показалось, будто руки Фрэнка дрожат.

— Я шел последним? — полюбопытствовал Фрэнк.

— Предпоследним. За тобой идет Эгул. Неплохо идет — он сейчас в кольцевой галерее, сражается с леной. Мур Бракман не смог пройти эльву, трое засыпались на перестрелке. Как прошел, но утопил бластер. Чисто прошли пока только Дуглас и ты. Как тебе понравился водоворот?

— Водоворот? Было слишком темно... Но я тебе благодарен.

На лице Вебера отразилось неудовольствие.

— Хотя бы за то, — продолжал Фрэнк, — что ты не догадался запустить в бассейн живых аллигаторов. Кстати, я нож утопил... Вернее, не кстати.

— Нож вынесло через трубу водоворота. Стоит тебе сейчас плюхнуться в воду, и «средневековый» инструмент снова будет у тебя в руках.

Фрэнк свесился с парапета и посмотрел вниз. Нож плавал у самой стенки.

Вебер стал раздеваться. Заметив, что Фрэнк внимательно на него смотрит, пояснил: — Хочу освежиться, пока ты будешь занят в душевой.

Вебер вспрыгнул на парапет. Изготовился для прыжка в бассейн, но задержался.

— И вот еще что... — сказал он, не оборачиваясь. — К вопросу об аллигаторах. Если ты испытываешь потребность упражнять свое остроумие, то причем здесь Вебер? Я тренирую ваши мышцы и нервы. Но кто сказал, что в мои обязанности входит тренировка вашего интеллекта?

Эхо разнесло по залу шумный всплеск.
«Действительно, — подумал Фрэнк. — При чем здесь Вебер, если ни в какие ворота не лезет сама система?..»

* * *

От нечего делать Фрэнк знакомился с географией облысения черепа пятидесятилетнего человека. Фрэнк не рискнул бы причислить это занятие к категории достаточно развлекательных, но он был выше Вебера на целую

голову, а кабинка цилиндрического лифта была для двоих слишком тесной.

Внизу что-то щелкнуло, кабинка вздрогнула, остановилась. Закругленная стенка раздвинулась — в дверную щель заглянула серо-зеленая мгла, пахнуло прохладой. Вебер шагнул за порог, постоял — руки в карманах. Свет из кабинки освещал его сзади, шея и обнаженные локти на фоне зеленоватого полумрака казались неестественно красными.

— Могу ли я считать кабину свободной? — осведомился Фрэнк.

— Лифт мы использовали до конца. Я проведу тебя на эскалатор. Это недалеко. И потом... Ты мне еще нужен.

Фрэнк вышел. Оглянулся на лифтовый ствол.

Над сферической крышей кабины угадывались очертания механизмов подъемника.

— Скользящая подвеска, — Вебер показал на темные перекладные фермы. — Трубы лифтовых стволов можно двигать с места на место, куда потребуется. Да и не только трубы... Хозяйство сложное.

Скользящая подвеска Фрэнка не заинтересовала.

Они шагали по бетонированной платформе вдоль светящейся серо-зеленой стены. На платформе уложены рельсы. Было очень сыро, холод пронизывал до костей. Фрэнк старался обходить большие лужи, ежился и чувствовал, что скоро начнет дрожать и лязгать зубами — летний костюм не мог защитить от ледящего сквозняка. Руки Вебера, оголенные до локтей, покрылись пузырьками.

— Нельзя сказать, что у тебя за кулисами слишком уютно, — проворчал Фрэнк.

— Кулисы гораздо ниже. А здесь у нас кухня, где готовится весь реквизит.

На ходу Вебер вынул из кармана паллер и, перекачивая его левой рукой за короткий тупоносый ствол, не глядя, протянул Фрэнку: — Держи.

Фрэнк машинально принял оружие. Это был небольшой, но довольно увесистый импульсный лучемер в керамической облицовке, рукоятка удобно лежала в руке. «Заряд трехразового действия», — подумал Фрэнк.

— На всякий случай, — пояснил Вебер. — Возможно, тебе придется отразить внезапную атаку.

Если Вебер говорил «возможно», с этим нужно было считаться. Фрэнк сунул паллер в карман.

Засмотревшись на серо-зеленую стену, Фрэнк съехал в лужу ногой, брезгливо отряхнул ботинок. Сначала стена показалась ему покрытой светящимся пластиком, но потом он заметил резвую струйку воздушных пузырьков и понял, что стена стеклянная, и все это сооружение — огромный аквариум. Фрэнк приотстал. В глубине аквариума он разглядел большое желтое колесо с выступающими по ободу спицами и черными лопалями...

Где-то пронзительно взвизгнул металл. Фрэнк оглянулся. Вебер стоял на краю платформы и, потирая озябшие локти, смотрел вниз. Фрэнк подошел и тоже посмотрел вниз.

На дне бетонированного котлована поочередно вспыхивали разноцветные столбы. Их было восемь, они стояли ровным рядом: молочно-белый столб, за ним все остальные — семь цветов радуги. Возле столбов расстилась идеально ровная площадка, размерами с хоккейное поле, а вокруг были навалены горы песка. В песке копошилась гусеничная машина с кузовом, организованно сновали небольшие жуки-автоматы. Вспыхивал белым сиянием первый столб — автопогрузчик, урча, приближался к площадке и покрывал ее слоем песка, опоражнивая кузов через щипающий и извивающийся рукав с щелевым наконечником. Белый столб угасал, вспыхивал красный — на площадку спешили отряды «жуков» и ровняли песок; закигался оранжевый — другие «жуки» с непомерно раздутыми брюшками наползали в челночном порядке, заливая песчаный прямоугольник темной и остро пахнущей жидкостью. Волна неприятного запаха быстро достигла края платформы, Фрэнк отшатнулся.

— Для чего этот слоеный пирог?

— Для кого, — исправил Вебер. — Собственно, для вас. По кусочку на всю вашу братию... Придет время — узнаешь.

Металлический визг повторился. Вебер продолжал смотреть вниз, но Фрэнк был убежден, что звук идет не из котлована. Визг этот послужил сигналом к зарождению лавины звуков — шорохов, скрежета, рокота, хруста... Бетонный монолит платформы дрогнул, мшцы Фрэнка рефлекторно напряглись: поблизости рухнуло и раскололось что-то очень тяжелое. Грохот обвала прокатился гулкими раскатами беспорядочного эха.

— Морозильники сбрасывают лед в соседний котлован, — сказал Вебер. — Следующий ваш полигон будет с красивым названием: «Ледовые грезды»...

Над гребнем стены, разделяющей котлованы, выросло облако снежной пыли. Фрэнк промолчал.

— Пойдем. Становится прохладно.

Они пересекли платформу по диагонали, торопливо прошли мимо наклонных люков, заиндевелые крышки которых напоминали о близости морозильных камер, свернули в узкий коридор со стеклянным потолком — сквозь матовое стекло свободно проникал слепящий ртутно-белый свет. В конце коридора журчала, поскрипывая ступеньками, коричневая лента эскалатора. Вебер галантно посторонился, пропустив Фрэнка вперед.

Наверху было гораздо теплее. Коричневая лента вползла в просторный тамбур. В отличие от уютных нижних помещений, где все дышало непостоянством театральных декораций, тамбур выглядел стационарно и благоустроено. Ни одной кабинки в лифтовых стволах однако не было — стеклянные трапе-

ции дверей светились чистым аквамаринном. — Нулевой этаж, — подсказал Вебер. — Отсюда вы начинаете полигон. Идем, покажу. — Вебер поднял руку. Повинуясь жесту, участок стены с мягким шелестом утонул в образовавшемся проеме.

Фрэнк почувствовал неудовольствие. Он устал, и все это начинало его раздражать, Вебер ускользнул в проем. Фрэнку больше ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Они вошли в помещение, примечательное, пожалуй, лишь голыми стенами.

— Узнаешь? — спросил Вебер.

— Нет, — ответил Фрэнк, наблюдая, как зарастает выход. Угроза Вебера все еще оставалась в силе, и надо было правильно оценивать ситуацию.

Фрэнк перевел взгляд на потолок. Понял, что находится в коридоре, через который сегодня утром выходил на полигон. В потолке темнело отверстие лифтового колодца — единственный вход сюда, известный участникам полигона — «реалистам». В цилиндрической кабине они спускались в этот коридор по одному (реже по двое) и, проверив снаряжение, уходили выполнять придуманные Вебером задания. Коридор вел их в неизвестность. Сейчас он никуда не вел, его перекрывала глухая стена. Утром этой стены не было.

— Кстати... — преговорил Вебер. — Давно хотел спросить, за каким дьяволом вы расстреливаете наши следящие телефотеры и телемониторы? Чем они вам мешают?

— Дыроглазы? — изобразив на лице любопытство, уточнил Фрэнк и подумал: «Значит, попал!..» — Откуда нам знать, что это — телефотеры? Сам же привил нам «реакцию на опасность». Теперь недоволен?

— Брось врать — не умеешь. Вижу я вашего брата насквозь. Зубы мне заговаривать!.. — Вебер рассеянно озирался. Словно бы чего-то ждал.

Фрэнк поглаживал в кармане рукоятку паллера и тоже ждал. Незнакомое чего. И думал: «Кто кому тут заговаривает зубы?..»

Все произошло очень быстро. Фрэнк находился в состоянии готовности, но такого он предвидеть не мог: откуда-то выскочил взбешенный красно-черный клубок — пронзительный визг, хрюканье, осатанелый лай! Клубок шархнулся под ноги. Вебер отпрыгнул. Фрэнк тоже отпрыгнул и выстрелил. Вместо выстрела — пневматический выхлоп. Воющий клубок промчался мимо, вычертил в воздухе красно-черный зигзаг и скрылся в отверстии колодца... Вой стих. В воздухе остался запах озона.

Вебер чуть ли не силой отобрал у Фрэнка паллер. Открыл тыльную часть ствола, выдвинул обойму фиксатора, прищурясь, заглянул в окошечко призмы.

— Удачный выстрел. Поздравляю.

— Не с чем, — тихо ответил Фрэнк. — Это случайно. Я стрелял наугад.

— Все в порядке. — Ударом ладони Вебер

вогнал обойму на место, захлопнул казенник ствола. — Если ты способен метко отразить атаку раньше, чем успеешь осмыслить ее, мои усилия не пропали даром.

— Не пропали. Сначала метко стреляем, потом смотрим — в кого. А по какому поводу — это уже не имеет значения.

Вебер постоял, почесывая рукояткой паллера подбородок.

— Все в порядке, — повторил он. — Можешь себе философствовать сколько угодно, но стреляешь ты совершенно автоматически. И очень неплохо. Никто не посмеет назвать мою школу... Впрочем, тебя это мало касается.

Он повернулся к стене:

— Джимми, сделай нам выход!

В стене образовалась темная щель. В бархатной темноте ничего не было видно, кроме горизонтального пунктира красных огней. Вебер подтолкнул Фрэнка под локоть:

— Входи. Из вашей братии ты единственный, кто сможет похвастать, что был у меня в операторской. Да еще во время работы полигона.

Фрэнк это знал.

— Вот как, — пробормотал он. — От ваших щедрот, так сказать?..

— Ну... если угодно. В качестве извинения за бассейн, где ты опасался встретить живых аллигаторов. Ведь опасался, а?

Фрэнк предпочел не ответить.

Глава 2. КОЛЛЕГИ

В операторской оказалось светлее, чем Фрэнк ожидал, — просто стены, пол, потолок помещения были покрыты черным светопоглощающим материалом. Блики от многоцветных экранов, табло сняли на рукоятках аппаратуры маленькими полумесяцами, создавая занятный геометрический узор — будто капли росы на узлах невидимой паутины. В самом центре «паутины» перед широким экраном типа «Стереоспектр» маячила фигура очень высокого тощего человека. «Шест на ходулях». — окрестил его Фрэнк про себя.

Трое других операторов были заняты чем-то у малых экранов плоского типа, скрытых наполовину козырьками нарамников. Лица упрятаны под ажурные заборала мусколопултов — впечатление такое, будто к лицу человека присосалось длинноногое металлическое насекомое, величиной с паука-птицееда. Техника тсикая. Бровью повел — кто-то на полигоне в люк провалился, рот приоткрыл — мощный водоворот. Подмигнул — выстрел, поморгал — серия... Эффективным дополнением к «заборалам» мусколопултов были розовые удлинненно-выпуклые крышки наушников — от висков к подбородкам. Ни дать, ни взять — огромный двусторонний флюс. Чутко слышу, ясно вижу, с тобой, простофила, все, что угодно, сделать смогу!.. Нет, как бы там Вебер ни возмущался, а потягаться с дыроглазами на равных — дело почтенное...

Вебер толкнул гостя в кресло, сам плюхнулся в соседнее, тихо спросил:

— Иива хочешь?

Фрэнк моргнуть не успел, как уже держал в руках высокий стакан с белой шапочкой пены.

— Будь здоров, Фрэнклин! — Вебер налил себе и поднял стакан.

— Будь здоров, Мартин!

На большом экране возникли скелеты решетчатых ферм.

— Алло, Джимми! — позвал Вебер.

Джимми приблизился. При ходьбе его ноги не сгибались в коленях — иллюзия, будто он на ходулях, была просто неотразимой.

— Главный режиссер полигона, — представил Вебер своего помощника.

Фрэнк пожал неудобно-плоскую ладонь главного режиссера.

— Рад вас приветствовать, — сказал Джимми. — Вас я знаю давно. Вы, как правило, плотно проходите полигон, с вами легко работать.

— Что значит «плотно»? — спросил Фрэнк.

— Этот не совсем удачный термин включает в себя перманентную множественность понятий... — Джимми сделал движение головой, словно ему давил воротник белоснежной рубашки. — В сущности, полигон можно рассматривать как сложный комплекс методов тренировочного воздействия на психику реалигента. Однако практическая трансформация разработанных нами деталей сценария не всегда... — Джимми запнулся. — Вы меня хорошо понимаете?

— Да, — сказал Фрэнк. — На полигоне я действую довольно однообразно, и это вам на руку.

— Скажем иначе, — вмешался Вебер. — На полигоне ты действуешь рационально. — Он показал на экран: — Джимми, как случилось, что Эгул идет верхним путем?

— На взорванном участке набережной скопилось много металла... и, выбирая новую позицию, я неудачно поместил кибер-стрелка под противопожарным баком. Реалигент воспользовался этим, отстрелил крепления бака.

«Знай наших!» — весело подумал Фрэнк.

— Кибер, конечно, в лешенку?

— Да, кибер погиб. Действия реалигента явились для нас полнейшей неожиданностью.

— Неплохо, — одобрил Вебер. — Эгул в равной степени умело пользуется бластером и обстоятельностью. Но мне необходимо окунуть его в водоворот. Пожалуй, сделаем так... — Вебер что-то там забубнил про «малый дождик», про «качающийся тандем». Джимми, склонившись над креслом, внимательно слушал. Его нос, похожий на остро заточенный тамагазк, навис над лысеющим черепом Вебера, и это казалось опасным.

Получив инструкцию, Джимми ушел. Посыпались отрывистые слова команд, в молчаливой компании операторов произошло заметное оживление. «Трое на одного, — посочув-

ствал Эгулу Фрэнк. — Дыроглазы мордопультывые...»

— Не обращай внимания, — посоветовал Вебер. — Им не до нас. Пеи.

Пили неторопливо, смакуя. Фрэнк признал вкусовые достоинства пива, но выразил опасение:

— Говорят, от пива брюхо растет.

— Ерунда, — проворчал Вебер. — Каждый день пью, а где у меня брюхо?

— Да, брюха у тебя нет. Брюшко... Ресектабельный сытый животик.

— Ну, если сравнить с животиком нашего шефа... Кстати, напомни при случае Носорогу, что я давно не видел его на разминках. Подтянуть брюхо ему не мешало бы.

— Ладно, — пообещал Фрэнк, с наслаждением вытягиваясь в кресле. — Но вряд ли... Такого случая долго не будет. Шеф завален делами по горло.

— Я вижу, все вы там... по горло. Дисциплина ни к черту! Гейнц и Лангер пропустили два полигона, Кьюсак отметился в прошлый раз и сбежал, Хаст вообще куда-то запропастился. Что ж мне начальству рапорт на вас подавать?

— Разморило меня... — томным голосом сообщил Фрэнк. — Мартин, все претензии — шефу. Дай отдохнуть измененному тобой регламенту. Плесни-ка еще... Говоришь, дисциплина? — Фрэнк дунул на пену, хлебнул. — Там у нас тоже своя дисциплина, зря рычишь на ребят... они-то причем? Дел у нас — выше бровей. Гейн, Кьюсак и Лангер, к примеру, сушат болото. Хаст сушит где-то за горизонтом, но... видимо, скоро вернется. Позавчера шеф и меня посылал на болото.

— Болото хоть с блеском? Впрочем, судя по твоему настроению...

— Хороший ты психолог, — похвалил Фрэнк. — Я ведь на Корк-Айленд летал — какой уж там блеск!

— Не был я на Корк-Айленде, — с сожалением сказал Вебер. — Признаться, ни в какой зоне СК еще не был.

«Нам, бедным реалистам, неслыханно повезло», — подумал Фрэнк. Глядя на собеседника поверх стакана, сказал:

— И не мечтай. В зону СК тебя не пропустят. А если пропустят, то уже навсегда. Тебе ведь не хочется навсегда? — Фрэнк развлекался. — Ну зачем тебе в зону?

— Так... Интересно.

— И да... Знал бы ты, как там интересно. В море тебе интересно? Так вот, на Корк-Айленде еще интереснее.

— Неужели настолько... гм... неприятно?

— Неприятно — не то слово. Мартин. Ты что... действительно не знаешь?

— Откуда ж мне знать? Кое-что слышал, конечно... В самых общих чертах. Корк-Айленд, «Энорис». Зоны «полного отчуждения». Ведь толком никто ничего не расскажет. Попрыгают, постреляют — и след простыл. Все новости мимо проходят. Будто и не в одной

конторе работаем. Вот как-нибудь соберусь и выскажу все это шефу.

— Не советую.

— Что? Тайна великая?

— Нет, но все равно не советую. То, чего ты не знаешь, не сможет тебе повредить.

— Тебе повредило?

— Не сомневайся. Вояж на Корк-Айленд на месяц вперед обеспечил меня кошмарными сневидениями.

— Да? Это уже любопытно.

— Кому как... В этом мире, знаешь ли, все относительно.

В глубине большого экрана что-то мелькнуло сверкающей полосой, грохнуло и разлетелось звонкими брызгами. На фоне светлого пятна остывающего металла появилось искаженное гримасой лицо. Фрэнк с трудом узнал Эгула и стал наблюдать.

Эгул тяжело дышал. Дико озираясь, он смахивал пот с лица рукой с зажатым в ней бластером. Чаще всего он оглядывался назад, палил из бластера и спешил дальше. Во время вспышек Фрэнк видел его спину. Воротник куртки полуоторван, на спине зияла прореха. Эгул остановился, неожиданно выстрелил вверх, бросил оружие в кобуру, подхватил конец перебитого троса. Фрэнк понял, зачем ему это нужно, когда заметил, что по вантовым переходам и перекладинам ферм растекаются языки зеленого пламени. Металл горел. Подергав трос, Эгул откатнулся и прыгнул в темный пролет между решетками ферм. Пылающий трос плавно вычертил огненную дугу и, освобожденный от груза, вернулся на середину пролета, закачался в воздухе, роняя огненные капли. Далеко внизу едва виднелась плохо освещенная фигура Эгула.

— Отлично! — Вебер шлепнул кулаком в ладонь. — Джими, — крикнул он, — убери «дождик», «лягушку» и постарайся вытряхнуть Эгула ближе к воронке!

Эгул на чем-то висел. Изображение укрупнилось. Он висел, уцепившись руками за одну из трех уже знакомых Фрэнку цепей...

Самостоятельность, трудно добытая Эгулом в честном бою, на этом заканчивалась. Все остальное теперь от его личной инициативы никак не зависело. Водорот и труба водосбора... Эгул вынырнул в зале с ультрамариновым потолком и, заметив удобную лесенку, спешно к ней устремился, демонстрируя несжиданно мощный и по спортивному очень техничный «дельфин». Шел, что называется, на гребне волны. Опасался, должно быть, очередного подвоха...

— Хорошо идет, — одобрил Вебер. — Красиво. Король полигонов!

Эгул взобрался на паранет, срывая с себя на ходу мокрую куртку и портунею. Короля полигонов изрядно шатало...

Экраны погасли, на потолке проступили рыжие пятна неяркого света. Джими с грацией общипанного фламинго адресовал Фрэнку прощальный поклон и ушел встречать Эгула. Операторы, сворачивая свое хозяйство,

издали поглядывали на Фрэнка и чего-то там пересмеивались. Вебер сделал им знак удалиться. Помещение опустело, чуть слышно прошествовал убегающий лифт.

— Не торопиться? — Вебер наполнил стаканы.

— Нет, — Фрэнк посмотрел на часы и позволил себе приятно расслабиться. — Пока нет.

— Пока?.. Все по-новому. Недавно ведь как было: утром сделал свой полигон и — катись на все стороны, отдыхай.

— Что было, то было, — рассеянно ответил Фрэнк. — Но есть основания думать, больше не будет.

Вебер быстро взглянул на него.

— То-то я и смотрю... В последнее время засуетились, забегали.

— Давай о другом, — попросил Фрэнк. — О чем это мы с тобой так интересно беседуем?..

— О Корк-Айленде.

— Дался тебе этот Корк-Айленд!

— Может, расскажешь подробнее?

— Этого словами не... Это надо собственными глазами. А лучше бы и не надо... Ну, остров. Хороший остров, обыкновенный, прочный, зеленый. Говорят, в прошлом — военная база подводных лодок-ракетоносцев... Крохотный городок. Тоже с виду обыкновенный. Веселенький такой, разноцветный. Пляжи роскошные... В общем, приятно с воздуха посмотреть. Ну, сели. Прямо на крышу лечебно-экспериментального корпуса. Пилот двигателя остановил, дверцу кабины отодвинул и на меня странно так смотрит. Включил какую-то музыкальную звукозапись на полную мощность. Я, говорит, лучше здесь посижу. Чудак, думаю, вышел бы ноги размять перед обратной дорогой. Дело у меня было несложное, и через час нам надлежало снова на материк...

— Какое дело, если не секрет?

— Не секрет. Выполнял подстраховку одной гипотезы шефа согласно его хитроумному императиву: «Отсутствие ожидаемого результата есть уже результат!»

— Понятно... — Вебер хлебнул из стакана, вытер губы тыльной стороной ладони. — Зря, значит, летал?

— Нет, отчего же? В силу вышеупомянутого императи...

— Ладно, я понял. Сочувствую. Продолжай.

— Ну, выпрыгнул я из кабины. В ушах... сам знаешь... после высоты и свиста двигателей — эдакая мутная неопределенность. Однако слышу: бьют барабаны. Бум-бу-бум, бум-бу-бум — в таком вот ритме. Повертел головой — крыша просторная, ничего не видно, кроме верхушек деревьев и синего неба. Что за черт, думаю, праздник у них какой, что ли? Нет, думаю, непохоже. Ритм барабанного боя не тот. Под этот ритм праздновать разве что День тоски и печали... А барабаны лупят и лупят. Не по себе мне стало, мутно...

Так-так, думаю, не рановато ли я пилота в чудаки записал? Потом уже, когда я с крыши спустился и синюков увидал, мне врачи объяснили про барабан. Единственное средство, говорят, больше ничего не помогает. Синюк, говорят, барабанному ритму только и подчиняется. Вот и лупят ночью и днем, без передышки. Особенно важно в лунные ночи... Бьют, конечно, не в натуральные барабаны, а просто транслируют звукозапись на всю территорию...

— Погоди, погоди! — Вебер быстро наполнил стаканы. — Синюк... это как понимать?

— Синюк? Посневший кровоподтек от ушиба на человеческом теле. Хочешь, брюки сниму и покажу сегодняшний свежий синюк величиной с чайное блюдце?

— Ну этот... Как его? А, черт, Синюк!..

— Синюк — дело другое. — Фрэнк пристально посмотрел в глаза собеседника. — Синюк — это свежий кровоподтек на теле нашей цивилизации. И не единственный, между прочим...

— Ладно, разницу я уловил. Только мне все равно ни черта...

— Про очаги «синего бешенства» на рудниках Венеры слышал?

— Так это?..

— Да.

— И все шестьдесят человек?

— Да. Если их еще можно назвать «человеками».

— А я полагал...

— Нет. Все уже на Земле. Корк-Айленд. Пятая зона СК, морской отряд военизированной охраны. От нас — в двух часах летного времени. Зона «полного отчуждения»... Мы гуманисты.

— Гм... А какие гарантии...

— Гарантии? Я вижу, в тебе поубавилось энтузиазма быть гуманистом. Гарантии!.. Врачи утверждают, что не опасно. Иначе бы... Ну, словом, это не вирусное заболевание типа марсианского «резинового паралича». Это как-то связано с вегетативной нервной системой, гормонами. Одни считают виновником неизвестный ядовитый газ, выделившийся из пирокластических пород на рудниках, другие — пыль какого-то редкого минерала...

— «Венерины слезы»? Прозрачный такой, с металлическим блеском?.. Ну, который мы так поспешно изъяли из ювелирного обращения в прошлом году.

— Не знаю. Венерины, говоришь?.. Похоже, что наши.

Помолчали. Вебер спросил:

— А синюки эти... что, совсем безнадежно? Фрэнк помедлил.

— Ну... изучают пока. По-моему, безнадежно. Ты бы вблизи на них посмотрел...

— И ты... с ними?..

— Нет! — догадался Фрэнк. — Только через бетонную стену. Стекло и бетон. Я исповедую гуманизм, но... Да и никто бы мне не позволил. Крыша лечебного корпуса и кабинет главного медика зоны — вот все...

— Как же тебе удалось?..

— Посмотреть? Главный медик, с которым я разговаривал, осветил для меня наружную стену своего кабинета.глянул я да так и обмер... Пока смотрел, их несколько мимо проковыляло. Голые, синие... Их солнцем и воздухом лечат. Чем их там только не лечат... Головы безволосые, морщинистые, в буграх и шишках. Глаза навывкате, рты до ушей — будто улыбка с голубым оскалом. Движения какие-то куринные — судорожно-резкие, составленные из отдельных фаз. Кур видел? Очень похоже. Поворот головы, к примеру, — три-четыре фазы, не меньше... Ходят подиночке, сугулясь. Ковыляют без устали, с какой-то жуткой настойчивостью. При этом — руки чуть в стороны, ладонями вперед, будто все время ловят кого-то вслепую!.. В общем, дико смотреть. Понимаешь... цветы кругом, изящные коттеджи. Небо синее, море синее и эти... синие, как утопленники. Под барабанный бой. И еще, знаешь... виселицы там на площади, и на многих из них синюки... Аккуратно так. Покачиваются...

Лицо у Вебера странно застыло, и Фрэнк пояснил:

— Ну... не виселицы, конечно. По-другому их там называют. Воздушные компенсаторы, что ли. Это когда на синюка находит — он начинает землю руками скрести, — его, голубчика, на мягких лямках вздергивают. Подрыгает он ногами и успокоится. Через полчаса отпускают — гуляй. Дело, в общем, для тамошней медицины обычное. А вот в светлые ночи, особенно в полнолуние, медикам тяжело. Бывает, что и барабаны плохо помогают. Тут уж приходится синюков опасаться. Тогда их стараются всех... на эти... воздушные компенсаторы. А то и в наручниках... Тебе интересно?

Вебер что-то промывчал в ответ

— Понимаешь, Мартин... Это все, так сказать, иллюстративная сторона дела. Синюки, барабаны, наручники... Существо дела гораздо сложнее. И проще... Диалектика, одним словом. Наша предприимчивая цивилизация вырвалась в просторы Солнечной Системы, плохо себе представляя, во что это нам обойдется...

— Твоя диалектика? — полюбопытствовал Вебер, промокая салфеткой влажный лоб.

Фрэнк, свободно вытянувшись в кресле и заложив руки под голову, некоторое время разглядывал потолок.

— Нет, — сказал он. — Диалектика бытия. Нашего с тобой сегодняшнего бытия...

Хотел добавить: «...и завтрашнего», но воздержался. Подумал: на кой черт все это Веберу? Нервы у него в порядке, прекрасное пищеварение, отличный сон — вот вся его диалектика. В конце концов, Веберу наплевать на Корт-Айленд, «Энорис» и на все остальные зоны СК вместе взятые. И цена, которую надлежит заплатить человечеству за вторжение во Внесемелье, лично его, Мартина Вебера, мало волнует. Две зоны «полного от-

чуждения»? Хоть двадцать две. Лишь бы гарантия, что не опасно... Ах, наука сегодня настойчиво ищет способы выйти в просторы Большого Космоса, к звездам?! И завтра, быть может... Ну что ж, придется удвоить, утроить сложность завтрашних полигонов. «Тандемы» в девять ржавых цепей, «лягушка» в квадрате, вместо «малого дождика» — душ из напалма и раз в неделю прыжки с Инагарского водопада... Нет, кто же спорит, платить настоящую цену за выход в звездные дали, конечно, придется, но... Как вы сказали? Две тысячи двадцать две зоны «полного отчуждения»? Треть человечества в плотном кольце спецкарантинной охраны?! Н-да, многовато!.. Но это, простите, забота потомков. Потомки... хе-хе... наверное, станут умнее и что-нибудь непременно придумают, сообразят. Как в прошлом — вы помните? — осторожные дети стали умнее отцов термоядерной бомбы...

— Ты прав, — нарушил молчание Вебер. — Освоили малую часть Внесемелья, практически только в пределах орбиты Юпитера, а уж хлопот полон рот. Что ни день — новый сюрприз...

— Освоили? — переспросил Фрэнк.

— Ну... во всяком случае процесс освоения идет полным ходом.

— Ах, процесс!..

— А что? Как-никак по данным отдела Статистики нашего Управления на внесемельных объектах работает сорок две тысячи человек. Не считая личного состава Объединенного космического Системы... Я постеснялся бы называть это «легким знакомством».

— Да, легким не назовешь. Особенно, если учесть то, о чем мы с тобой говорили. А если и то, о чем не говорили...

Вебер молчал. Нетрудно было заметить, как отчаянно он пытается разобраться в логике собеседника. Фрэнк посмотрел на него и добавил:

— Условия спецкарантина, Мартин, меняются прямо на наших глазах. И весьма радикально. Год назад ты что-нибудь слышал о зонах «полного отчуждения»? То-то... Нынче Корт-Айленд, «Энорис» уже не в диковинку. Давешний свой плакатный девиз «Осторожность, помноженная на осторожность!» мы теперь возвели в ранг безусловного принципа своего отношения к Внесемелью.

— И правильно сделали, — отрезал Вебер.

— Да. Но это есть оборона. Организованная оборона. Мы начинаем защищаться. Мартин. Сегодня — стекло и бетон... А завтра?

— Стекла и бетона хватит нам и на завтра.

— А, превосходно.

Фрэнк поднял стакан, одним движением выплеснул в рот остаток нива, поморщился. Пить уже не хотелось. Разговаривать — тоже. Вебер ему надоел. Он ощущал себя достаточно отдохнувшим, чтобы уйти, но еще не настолько, чтобы хотелось сделать это немедленно.

Вебер спросил:

— Тебе на «Энорис» летать приходилось?
— Приходилось.
— Ну и что?..
— Ничего. Просто космическая оранжея. Овощи, фрукты, цветочки... Помню, там был отличный ресторан с красивым видом на звездные Лебедя.

— Ресторан и я помню. Ну а потом?
— Потом? Комфортабельная космическая тюрьма. Для тех, кто подхватил на Марсе «резинный паралич». Тюрьма, которую мы с присущей нам деликатностью именуем объектом СК-4. Или зоной «полного отчуждения» номер два, что, на мой взгляд, менее деликатно.

— Я спрашиваю: потом летать приходилось?

— Разумеется, нет. И знаешь, не сожалею.

— Я почему спросил... Верно ли говорят, что у «резинных» паралитиков кости гибкие, как эластик?

— Ерунда. Кости обыкновенные, твердые. А вот суставы, хрящи, сухожилия — те действительно... Мышцы как тряпки. Ведь его, паралитика, вчетверо можно сложить. Ему колени можно свободно выгнуть назад, локти вперед, а голову повернуть почти вкруговую. Сверхгибкость. Видел, есть куклы такие — ноги и руки болтаются на резинках? Точная копия. Вернее — модель.

— А с этим у них... — Вебер ткнул пальцем в лоб, — полный порядок?

— Абсолютно. Заняты научной работой — большинство из них имеет отношение к институтам по мерзлотоведению и гляциологии. Уравновешены и спокойны, продолжают надеяться на скорое выздоровление. Даже чувство юмора в норме.

— Ладно хоть так... А медики что говорят?

— Разное говорят... Но тоже надеются, работают в поте лица. Одни утверждают, что вирус не наш, не земной, другие подозревают мутацию вируса гриппа. В общем, теперь на «Энорисе» целый научно-исследовательский комплекс. На двести больших гляциологов столько же, если не больше, врачей. Молодые дерзкие микробиологи готовы на все, лишь бы попасть на «Энорис». По счастью, излишняя дерзость сегодня не очень в почете..

— Охрана надежная?

— О. будь спокоен! Тюрьма настоящая, без дураков... И самое парадоксальное то, что наш респектабельный гуманизм здесь не терпит почти никакого урона: жить на Земле узникам этой тюрьмы физически неудобно. Им, беднягам, нужна невесомость.

— Прямо как в цирке... — Вебер качнул головой. — Синюки, барабаны. Орбитальные паралитики... На Земле становится слишком весело, а?

— Похоже, Мартин, скоро нам будет еще веселее.

— Ты в этом серьезно уверен?

— Будем считать, что это продукт моего остроумия. Но, на всякий случай, нам не мешало бы пополнить запасы стекла и бето-

на. Сколько там у нас еще не занятых оранжевых спутников типа «Энорис»?

— Где же, по-твоему, выход?

— Ценишь, значит, мое остроумие... Спасибо, но лично я не знаю, где выход. И пока не знаю никого, кто это знал бы.

— Но если это действительно так, то... То как будет дальше?

— Как в цирке, — рассеянно ответил Фрэнк. — А что! Ведь сам говорил: освоение Внеземелья идет полным ходом. Все правильно, так оно и есть. Человек шагает по соседним планетам или зондирует их с планетарных орбит. Чего ж удивляться, если у нас на Земле ковыляют синюки, а в небесах болтаются эластичные паралитики? Мы осваиваем Внеземелье — оно мало-помалу осваивает нас... А почему бы и нет? Обратная связь.

Тишину операторской нарушил мелодичный писк. Фрэнк насторожился и поискал глазами звуковую колонку спикера внутренней информации.

— Внимание! — произнес женский голос. Писк прекратился. Кокетливо растягивая слоги, голос вещал: — Всем участникам операции «Черный след» объявлен сбор в инструкторском холле второго отдела. Повторяю...

— Это меня... — сказал Фрэнк, вздохнул и поднялся.

— Сядь, — сказал Вебер. — Любопытное дельце?

— Что?

— «Черный след»?

— Не знаю.

— Я кое-что слышал...

— Что именно и от кого?

— Ну... это неважно.

— Неважно — помалкивай. Где тут выход на лифт?

— Сядь, я сказал. Поедешь с комфортом.

Фрэнк сел. Вебер мрачно посоветовал:

— Подними подлокотник.

Фрэнк приподнял и обнаружил миниатюрный кнопочный пульт.

— Тебе на семнадцатый?

— Да.

— Ну и чего копаешься? Ищи кнопку с цифрой семнадцать. Сначала нажми белый клавиш. Стой! Скажи мне одно... Это очень опасно для парней, которые там?... — Вебер покрутил пальцем над головой, имея в виду, очевидно, весь контингент работников Внеземелья.

— Я сказал, что не знаю. — Фрэнк надавил клавиш. Пулстик красных огней сдвинулся в сторону, кресло тронулось и покатило в темную нишу. — Всего хорошего, Мартин. Встретишь Эгула, не забудь угостить его пивом!

— Ладно, проваливай.

* * *

На семнадцатом этаже Фрэнк вышел из лифта и увидел широкую спину Барнета Лангера, который удалялся по коридору, чуть наклонив голову вперед, будто намереваясь

гарантий лбом одному ему заметную преграду. Эта его манера ходить всегда вызывала у встречных прохожих легкое замешательство. — Салют, Барни! — окликнул Фрэнк.

Лангер живо обернулся, помахал рукой:

— Ого, ты пользуешься персональным лифтом Вебера! Премия за полигон?

— Нет. В качестве премии Вебер водил меня за кулисы.

— Первые слышу такое от рядового ре- алигента.

— Почему рядового? Теперь я в фаворе у старика.

— Вот даже как!..

Они поравнялись.

— Тебе удалось нащупать у Вебера слабую точку? — осведомился Лангер.

— Две. Первая — полигон, понятно. Старик спит и видит, как бы устроить нам пакость вразмысловатее. Мне он устроил темный водоворот, и я в запале неосторожно подкинул ему идею запустить в бассейн живых аллигаторов...

— Мой полигон послезавтра, — задумчиво сообщил Лангер. — Под кодовым названием «Дичь». Если вместо вальдшнепа мне придется иметь дело с живым аллигатором, я с тобой рассчитаюсь.

— Мой полигон был под названием «Поплавок». Наныряться я и наплавался до обалдения. Думаю, роль вальдшнепа придется исполнить тебе самому.

— Ну хорошо... — Лангер взял Фрэнка под руку и заставил сбавить шаг. — Вторая слабая точка Вебера?

— Жгучая любознательность.

— Ты меня развеселил!

— И тем не менее... Боюсь я надолго испортил ему настроение.

— И поделом. Ему не следует совать свой нос выше нулевого этажа.

— Но мне его жаль. Он начинает подозревать, что с помощью средневековых целей, ржавых ферм и современных огнетушителей моделировать варианты «космических неожиданностей» ему не под силу. Это гложет его... Вбил себе в голову, что обычных тренировок нам недостаточно. Ищет для полигонов некий универсум, посредством которого надеется привить нашему брату иммунитет против любых — любых! — сюрпризов Внеземелья. У меня духу не хватило сказать ему прямо, что задача эта не разрешима в принципе...

— Стой! — сказал Лангер и действительно остановился. — В упаковке из умонастроения Вебера ты, кажется, преподносишь мне собственную мораль?

На какое-то мгновение у Фрэнка перехватило горло от ярости. Не против Лангера, нет. Скорее по поводу заколдованного круга мнимых двусмысленностей, в котором Фрэнк все чаще и чаще себя ощущал, когда в разговорах с коллегами вольно или невольно касался того, что его в последнее время тревожило. Он тоже остановился, окинул взглядом товарища. Веньшка гнева угасла.

— Ну и что? — уже совершенно бесстрастно спросил он.

— Ничего, — тихо ответил Лангер и вдруг заговорщически ему подмигнул. — Превосходный ты парень, вот что. Но как только ты принимаешься философствовать, у меня почему-то свербит в носу и возникает иллюзия умственного переутомления.

— Да, это не совсем нормально... Впрочем, надо же тебе с чего-то начинать.

Они стояли друг против друга, загораживая проход. Но кроме них никого в коридоре не было. Далеко в коридорную перспективу уходили матово-белые светящиеся полосы люминесцентного пластика вдоль стен и вдоль потолочных карнизов. Стены казались сплошными, о местонахождении дверей можно было только догадываться по символическим фигуркам из нержавеющей стали; фигурки большие походили на украшения, хотя служили главным образом для кодового обозначения отделов. Прямолинейный коридор был только в этом крыле Управления, и только здесь, на семнадцатом этаже, он пресматривался насквозь.

— Я знаю, что у тебя на уме, — Лангер сочувственно ткнул товарища кулаком в плечо. — Космос, дескать, полон сюрпризов, разбираться в которых с помощью лучеметов нехорошо, незтично...

— Прежде всего — непрактично. — вяло огрызнулся Фрэнк.

— Когда мы брали банду Шлокера, это было практично, — напомнил Лангер. Он похлопал себя по шее в том месте, где розовел шрам от ожога. — Это было практично, потому что никто из бандитского экипажа «Черной жемчужины» не умел стрелять в условиях перегрузок так, как умеем мы. Даже сам Шлокер. Я выхватил бластер на четверть секунды раньше, чем это успел сделать он. — Лангер широко улыбнулся.

— Между прочим, — заметил Фрэнк, — наша контора называется «Западный филиал Международного Управления космической безопасности и охраны правопорядка».

— Это так же верно, как то, что меня зовут Барнет Лангер. А тебя — Фрэнклин Поллинг. А нашего шефа...

— Космической безопасности, Барни! Безопасность по отношению к неожиданностям Внеземелья! Я плохо знаю «дело Шлокера», но абсолютно убежден, что ликвидация банды на «Черной жемчужине» — это чистойшей воды акция по охране космического правопорядка!

Лангер поморщился:

— Не ори, у меня прекрасный слух. Мы с тобой по-разному воспринимаем термин «космическая неожиданность», вот и все.

— Верно, — Фрэнк заставил себя успокоиться. — Юридическое образование не позволяет мне влить в одну кучу гангстеров Шлокера и, скажем, загадку «резнивого паралича», скосившего добрую треть гляциологов Марса.

— Видишь ли, суть, наверное, не в терминах. И здесь я, пожалуй, с Вебером солидарен. Главная наша забота: суметь защитить человека от любых — любых! — неожиданностей. Внесемелья, успеть вовремя стать между ним, человеком, и подстерегающей его всякой там разной опасностью. Ведомой и неведомой.

— Это ваша забота, господа сверхчеловеки, — мягко возразил Фрэнк. — Если, конечно, ты считаешь себя сверхчеловеком.

— Я считаю себя сотрудником оперативно-следственного отдела.

— О, мы, оказывается, коллеги.

— Да, если ты имеешь в виду штатное расписание.

— Ну это не так безнадежно, Барни. Тому порукой нивелирующая деятельность Вебера...

— Пойдем, коллега, — миролюбиво предложил Лангер. — Мне не терпится увидеть Хаста. — Повернулся и чуть ли не бегом бросился вдоль коридора.

Фрэнк нагнал его двумя прыжками.

— Почему ты сразу не сказал, что Хаст вернулся?

— Для тебя это новость?

— Я слышал, что нас приглашают в инструкторский холл, но откуда мне было знать, по какому поводу сбор.

— Кстати... — Лангер загадочно ухмыльнулся. — Хаст пришел не один.

— С Кизимовым?.. — удивился Фрэнк.

Эмблема второго отдела — стальной хромированный зубец. Лангер тронул среднее острее, шагнул в образовавшийся проход.

— Нет уж, дудки! — сказал Фрэнк, входя следом. — Готов держать пари, что это не Кизимов. Скорее это кто-нибудь из Восточного филиала.

— Точнее — шеф оперативно-следственного отдела Восточного филиала Игорь Никольский.

Фрэнк тихо присвистнул.

Они вошли в просторный, казенно меблированный холл. Большое, во всю стену, залитое солнцем окно. Прямые лучи дробились на светорассеивающих ребрах верхней половины стекла, но ближе к окну лежал на полу жаркий солнечный прямогольник. В прямогольнике стояли четверо: носатый Вуд, белокрытый Альвен, элегантный Кьюсак и Гейнц-задира. Компания щурилась и сосредоточенно смаковала через соломинки содержимое круглых, как елочные шары, бокалов. Гейнц был в огромных светозащитных очках и, несмотря на свой относительно небольшой рост, выглядел в них очень воинственно — темная грива его непокорных волос живописно и дико торпорила на затылке.

— Общий салют дегустаторам! — поздоровался Лангер.

Ответом было молчание, и Лангер понял, что продолжать в том же духе не стоит. Не спеша направился к бару, поднял крышку, влез туда по поясу, долго там копался и звенел стаканами.

Фрэнк подошел к молчаливой четверке.

— Судя по вашим физиономиям, надвигается пыльная буря.

— У тебя разыгралась фантазия, — возразил Кьюсак.

— Это иногда бывает после вонючих подзельев Вебера, — добавил Гейнц.

Вуд принохался.

— От него разит пивом! — объявил он. — Мы здесь уже одурели от водопроводной воды, а он благоухает, как баварская пивопарня, да еще имеет наглость обзывать нас дегустаторами!

— Дегустаторами обозвал нас Лангер, — вступился за Фрэнка Альвен.

— Вуд, тебе придется обнюхать и Барни, — сказал Гейнц.

— Не советую, — прогудел Лангер из бара. — Я могу ненароком задеть его обонятельный орган, и ему придется отложить свидание с Кат.

— Да, — согласился Вуд. — Риск не оправдан. Пусть его обнюхивает Носорог...

Снова молчание.

— Кто-нибудь скажет мне наконец, что случилось? — не выдержал Фрэнк.

— Успокойся, — ответил Альвен. — Ничего особенного не случилось.

— Ничего особенного, — добавил Гейнц, — за исключением того...

Кьюсак деликатно наступил ему на ногу и закончил:

— ...За исключением того, что провалилась миссия Хаста.

— Вот именно, — пробормотал Фрэнк. — Как будто мы всерьез надеялись на ее успех.

— Тем большая ответственность ложится теперь на твои тренированные Вебером плечи, — сказал Кьюсак.

Все четверо разглагольствовали Фрэнка в упор.

— Чего вы на меня уставились? — настаивал он.

В холл вошли Гэлбрайт, Хаст и двое незнакомцев. Один из них — лет пятидесяти, суховат и строен, быстроглаз, но сдержан в движениях. «Никольский...» — догадался Фрэнк. Второй — хилого телосложения и совершенно лыс. Одет не без изыскательства, но старомодно. Длинное, по-стариковски обрюзгшее лицо выглядело усталым. «Старый заезженный конь, — подумал Фрэнк. — Но кто он, этот мумифицированный предок?!» Хаст потерянно плелся сзади, прижимая к груди большую синюю папку.

— Добрый день, парни! — произнес Гэлбрайт и сделал над головой судорожный взмах пухлой рукой, долженствующий обозначать фамильярно-теплое приветствие. — Прошу всех за круглый стол.

Его зеленые глаза внезапно окатили Фрэнка волной холодного и очень откровенного внимания. Это длилось мгновение, но Фрэнк это мгновение уловил и в полной мере прочувствовал.

За стол с полированной крышкой в форме овала сели Гэлбрайт и гости. Остальные

лишь приблизились и встали полукругом за спиной шефа. Никольский сел рядом с Гэлбрайтом, лысый старик занял скромное место в противоположном конце стола. Из бара вынырнул Лангер и, держа на весу два стакана с охлажденным напитком, оглядел собрание.

— Да, это кстати, — Гэлбрайт шевельнул кустистыми бровями, и Лангер безропотно отдал стаканы гостям. — Итак, все в сборе?

Все были в сборе, но от рапорта воздержались, поскольку никто не знал, как расценивать обстановку.

— Прежде всего, — сказал Гэлбрайт, — я хотел бы познакомить вас с двумя участниками совещания, которые, не являясь членами нашей оперативно-следственной группы, имеют самое непосредственное отношение к операции «Черный след». Это наш коллега, представитель Восточного филиала Международного Управления космической безопасности и охраны правопорядка мистер Никольский. Его субординарный ранг в точности соответствует моему. Второй участник... — Гэлбрайт покосился на старика, — временно я назову его мистером Икс, является научным консультантом. Он сам объяснит свою роль в конце совещания.

Мистер Икс вставил в ухо розовый шарик слухового аппарата и замер. Сгорбившись, он неподвижно и безучастно смотрел на блестящую крышку стола, глаза, полуприкрытые пленками бледных век, выражали усталость и равнодушие.

Фрэнк тоже ощутил усталость. Сегодняшний полигон не прошел для него даром.

Глава 3. ЧЕРНЫЙ СЛЕД

Стараясь не привлекать к себе внимания, Фрэнк отступил за широкую спину Лангера, опустился в кресло. Внешне безобидная фраза Кьюсака об «ответственности» и «тренированных Вебером плечах» не выходила из головы. А собственно, почему?.. И чем объяснить эти весьма необычные взгляды и озабоченность шефа?

— Первые сведения о «черных следах», — говорил Гэлбрайт, показывая Никольскому копии документов, — мы получили неделю назад. Отдел Слежения нашего филиала представил нам на рассмотрение вот это...

Никольский быстро прочитал предложенный картон.

— Сосед Эдуарда Йонге лично видел «черный след»? — У Никольского был громкий, но приятный голос, чем-то похожий на голос Гейнца.

— Да, вот его показания. Обратите внимание на дату, когда он впервые заметил «черный след».

— Гм, давненько...

— Это случилось на следующий день после того, как Йонге поселился в окрестностях Сан-Франциско.

— То есть, вы сделали вывод, что влия-

ние местных условий практически исключено.

— До известного срока мы вынуждены были предуматривать и такую вероятность. Дальше... — Гэлбрайт передал Никольскому очередной картон.

Совещание превращалось в деловую беседу двух спецов. То, о чем они говорили, Фрэнк уже знал. Он взглянул на мистера Икс и не нашел никаких изменений ни в его позе, ни в выражении лица. Но что-то подсказало ему, что старик сосредоточенно ловит каждое слово. Остальные ребята тоже исподтишка наблюдали за консультантом. Фрэнк видел, как Лангер наклонился к Хасгу и, улыбаясь, шепнул ему на ухо что-то, должно быть, забавное. Хаст не был расположен шутить, — все еще находился под тяжестью впечатлений от восточной поездки, — и Лангер, махнув на него рукой, стал шептать на ухо Гейнцу. Гейнец оглянулся на старика, вздрогнул, поднял глаза к потолку — даже со спины было заметно, каких усилий стоило ему сдерживать смех.

Перед Никольским и Гэлбрайтом вырос ворох пластмассовых листов (по традиции листы назывались «картонами»). Шеф прекрасно ориентировался в этом ворохе, разговор не замiral ни на минуту. Когда беседа стала выходить за рамки уже известных Фрэнку сведений, он предпочел подсесть ближе к столу. Его примеру последовали все, кроме Лангера, который добровольно взял на себя обязанности бармена.

— Материал добротный, — похвалил Никольский. — Я хотел бы еще раз взглянуть на послужной список Йонге.

Гэлбрайт протянул ему картон. Никольский внимательно перечитал документ и спросил: — Вы уверены, что в отношении «черных следов» Кизимов аналог Йонге?

— Другими словами, есть ли у нас доказательство? Есть. А доказательства мы раздобыли... Где бы вы думали? У себя под носом, в отеле «Эспланейд». Один из служащих отеля узнал Кизимова на фотоснимке и вспомнил, что наблюдал в его номере явление, которое мы называем «черный след».

— Когда это было? Я имею в виду «черный след» в «Эспланейде».

— Год назад. Разве вам не известно, что Кизимов встречался с Йонге? Взгляните на фотоснимок.

— Для меня это новость. — Никольский посмотрел предложенный картон. — Странный снимок. Такое впечатление, будто Кизимова и Йонге сфотографировали вопреки их желанию.

— Так и есть. Их сфотографировали в полицейском участке морской зоны отдыха на калифорнийском побережье. Ничего особенного: перевернули катер. Это фото украсило стенд общественного порицания на одном из самых модных пляжей. Нить, которая в конце концов помогла обнаружить Кизимова и его причастность к «черному следу». А главное — дала нам понять, что «черный след» не является «монополей» Эдуарда Йонге. — Гэлбрайт озабоченно потер виски. — К тому же, сегодня мы получили новые сведения...

— Третье звено? — щурясь, спросил Никольский.

— Вы угадали, цепочка тянется дальше. и мало того... Кьюсак, будьте добры!.. — Шеф шелкнул пальцами, и Кьюсак подал ему длинный футляр из черной пластмассы.

Крышка пружинно откинулась. Фрэнк, подогретый любопытством, подался вперед. Внутри футляра лежала самодельная деревянная тросточка в полметра длиной. Обыкновенная палочка из орешника. На подсохшей коре вырезан незамысловатый узор...

— Вы разочарованы? — спросил Гэлбрайт Никольского.

— Нет, я ожидал увидеть что-нибудь в этом роде... Кизимов тоже любил развлекать детвору поющими деревяшками. Пока не узнал, что его рукоделья ставят в тупик взрослых дядей из Управления космической безопасности. Простите, я, кажется, перебил вас.

Гэлбрайт взглянул на часы.

— У нас в запасе три минуты, — сказал он с видом человека, которому не дали произвести сенсацию, но который считает себя выше мелочных побуждений. — Я хотел продемонстривать вам работу этой... этого... У меня не поворачивается язык назвать деревяшку прибором. Однако иначе не назовешь, поскольку она принимает телевизионные стереопередачи детской программы, хотя техническая экспертиза не обнаружила здесь решительно ничего напоминающего микросхему телеприемника. Биологическая экспертиза подтвердила: самое обыкновенное дерево, канадский орешник, без каких бы то ни было изменений микроструктуры коры и древесных волокон. Но «обыкновенное» дерево с «обыкновенными» волокнами, не согласуясь с авторитетным мнением экспертов, продолжает работать как телевизионный приемник. И через три... Впрочем, уже через две минуты все желающие смогут убедиться в этом воочию.

— Кто автор... э-э... деревянной конструкции? — задал вопрос Никольский.

— Довольно известный в прошлом космодесантник. Из тех, чей послужной список мало чем отличается от послужных списков Кизимова, Йонге. Разве что срок работы в пространстве побольше да служебных проступков поменьше... — Гэлбрайт почесал глазами Фрэнка, добавил: — К тому же, он приходится родственником одному из сотрудников нашего отдела.

Фрэнк замер.

— Да, Полинг, я говорю о Нортоне, Дэвид Майкл Нортон, — муж вашей сестры Сильвии Нортон, урожденной Полинг, не так ли?

Фрэнк медленно осознавал ошеломительную новость.

— Дэвид Майкл Нортон!.. — с каким-то странным удовлетворением проговорил Никольский. Взгляды присутствующих оставили Фрэнка и обратились к нему.

— Я вижу, это имя произвело впечатление не только на Полинга, — заметил Гэлбрайт.

— Признаться, да... — Никольский был

очень доволен и не пытался этого скрыть. — Я, грешным делом, ожидал услышать другое имя...

— Любопытно. — Кустистые брови Гэлбрайта сошлись на переносице. — Не буду вас интриговать: никакими другими сведениями наш отдел не располагает. Йонге, Кизимов и Нортон — это все, о ком мы вполне доказательно можем беседовать с вами, касаясь загадки «черного следа». Материалы, делающие беседу доказательной, перед вами. Это все, что я могу вам сказать в ответ на ваше ожидание.

— Не так уж и мало, Гэлбрайт. Будет ли этого достаточно, покажет нам сравнительный анализ, на который я очень надеюсь.

— Я тоже. Особенно, если у наших коллег из Восточного филиала найдется некое существенное дополнение к тем сведениям, с которыми вы, Никольский, ознакомились и которые достаточно высоко оценили.

— Дополнения будут. Дело вот в чем: третье звено ошествилось для вас в лице Нортон, для нас — в лице Жана Лорэ. То же космодесантник в отставке... Впрочем, просматривая списки бывших космодесантников, вы наверняка это имя встречали. Не станете же вы меня уверять, что «открыли» Нортон чисто случайно?.. Но как бы там ни было, идея совместного обсуждения операции «Черный след» дает хорошие виды на урожай.

В холле нависло молчание. Все ждали, что скажет шеф. Фрэнк встретился глазами с мистером Икс. Старик внимательно его разглядывал, и Фрэнку стало не по себе. Заметив это, старик перевел взгляд на черный футляр. «Добрый день, малыши!» — негромко, но весело поздоровался черный футляр, и над столом замелькали прозрачные образы, бледные и почти непонятные, как уличные отражения в стеклах витрин. Деревянный телеприемник приступил к демонстрационному своим изобразительным возможностям.

— Так... — сказал шеф. — Действительно, урожай.

«Меня зовут Р-руби, — жизнерадостно доносилось из футляра. — Смотрите, какие у меня красивые пер-р-рышки! Мой бр-рат...»

Гэлбрайт захлопнул крышку футляра и стал собирать документы.

— Йонге, Кизимов, Нортон, Лорэ... — произнес он, складывая листы в аккуратную стопку. — Кто они, эти четверо? Товарищи по несчастью? Изуродованные космосом люди? Нелюди? Безопасные для нашей планеты или потенциально опасные?.. От решения этих вопросов, быть может, зависит судьба человечества. Я произнес громкую фразу, но пока она остается в силе. На четырех примерах ясно: мы имеем дело с непонятной для нас реконструкцией природных свойств человека...

Фрэнк обвел взглядом лица присутствующих. Лица были суровы. Каждый чувствовал свою ответственность за судьбы человечества. Кроме, пожалуй, Никольского и Лыского

старика. Старик дремал или делал вид, что дремлет; Никольский расивно помешивал соломинкой лед в стакане.

Фрэнк понимал: предстоит скорая встреча с Дэвидом. Ясно, как день. И встреча не будет приятной — тоже совершенно ясно. После сообщения Гэлбрайта Фрэнк чувствовал себя в дурацком положении. Если не хуже. Он частенько бывал в семье своей старшей сестры и не мог сказать, что встречи с Дэвидом Нортоном вообще доставляли ему удовольствие. Однако ж... Он делал это для Сильвии. Теперь он вынужден будет сделать это для человечества. Ни больше, ни меньше. Да, дело дрянь... Старина Дэв никогда не казался опасным. Даже потенциально. И тем более — для человечества. Резковат, угрюм, неразговорчив — да, это за ним водится. Но чтобы опасен?.. Любит природу, детей... Не любит соседей и друзей жены. С кем не бывает? К своим же друзьям и бывшим товарищам по работе в пространстве, иногда посещающим его уединенную виллу в Кофсфорте, относится очень радушно. Правда, после таких посещений Дэв становится угрюмой обычного. Космический леопард в отставке не может привыкнуть к рутине размеренной жизни в «этом овечьем загоне», как называет он свою виллу в минуты душевной депрессии. Но с другой стороны — «черный след», деревянные «телевизоры»... Отдел Слежения вряд ли мог ошибиться. И если Дэв действительно в одной компании с теми, о ком так тревожно распространяется шеф... Ведная Сильвия!

Гэлбрайт пододвинул к Никольскому стопку сложенных документов, сказал:

— В полное распоряжение Восточного филиала. Когда мы сможем получить от вас документальные сведения о Лорэ?

— Это зависит от расторопности вашего сотрудника, — пошутил Никольский. Из-за его спины поднялся Хаст, открыл синюю папку и передал шефу папку пластмассовых прямоугольников.

— Первые двадцать листов — Кизимов, — пояснил Никольский. — Девять следующих — Лорэ. Ионге всего в двух картонках, но мы решим вручить вам копии всех материалов по «Черному следу», хотя в половине из них вы уже не нуждаетесь. Мистер Хаст, передав приглашение, как-то не посетил нас в подробности предстоящей беседы.

— Он выполнял мои инструкции, — сказал Гэлбрайт, жадно просматривая документы. — Кстати, Хаст, я еще не знаю подробностей провала вашей миссии на Памире...

— Вам достаточно вспомнить подробности провала миссии в Калифорнии, и мне не нужно будет ничего объяснять, — тихоотреагировал Хаст. Ответ был явно приготовлен заранее.

— И все-таки меня интересует, чем закончилась ваша беседа с Кизимовым.

Хаст подергал кончик веснушчатого носа, что обычно проделывал в затруднительных для себя обстоятельствах.

— Примерно тем же, чем закончилась беседа Кьюсака с Эдуардом Ионге. Мы немало повздорились...

— Вот как? — Гэлбрайт не спеша перевернул прочитанный лист. Фрэнк и все остальные смотрели на Хаста сочувственно. Шеф почти никогда не устраивал подчиненным разносы, но редко упускал возможность устроить публичный спектакль. Это был его «воспитательный» метод. — И что же сказал Кизимов вам на прощанье?

— Ничего не сказал, — сдался наконец Хаст. — Как только я ознакомил его с показаниями служащего из отеля «Эспланейд», он молча спустил меня с лестницы.

— Почему не наоборот? Если об этом пронохает Вебер, ваш следующий полигон будет состоять в основном из лестничных пролетов.

— Хотя два полигона, — пробормотал Хаст. — Что такое полигон по сравнению с этим дьяволом в образе человека...

— Здесь сыграла роль неожиданность, — вступился за Хаста Никольский. — Мистер Хаст неосторожно положился на условности этикета светской беседы, и ему выпал случай удостовериться, что эмблему «Вайлдкэт» — «Дикая кошка» — космодесантники носят не зря.

— Первым удостоверился Кьюсак, — рассеянно сообщил Гэлбрайт, — Ионге его немножко побил. Теперь выпал случай удостовериться Хасту. Дело за Полингом?.. Скажите, Никольский, почему в ваших материалах я не могу найти прямых свидетельств причастности Кизимова к «черным следам»?

— Очень просто. Прямых свидетельств у нас нет. Но они есть у вас. Мы заинтересовались Кизимовым после визита Лорэ. Подобно случаю в «Эспланейде», Лорэ имел неосторожность оставить «черный след» в гостинице «Памир» и тем самым дал нам повод начать расследование. Ничего не подозревая, Лорэ побывал в гостях у Кизимова и спокойно укатил к себе домой на берега Адриатики. Разумеется, под негласной опекой наших сотрудников из отдела Слежения. И Кизимов, тоже само собой разумеется, оказался в поле нашего зрения. Прощупывая его друзей, мы вдруг обнаружили странность, которую назвали «эффектом метеостанции»...

— Извините меня, — перебил Гэлбрайт. — Я здесь уже читал об этом, но, пожалуйста, изложите суть «эффекта» для остальных.

Никольский помедлил, собираясь с мыслями.

— В северо-западном районе Памира действует высокогорная автоматическая метеостанция «Орлиный пик». Дежурным на метеостанции работал некто инженер-атмосферник Тимкин, с которым Кизимов поддерживает приятельские отношения. Кстати сказать, метеостанция такого типа оснащена автоматами очень высокой надежности, и там почти никого не бывает, кроме дежурных инженеров. Приятель Кизимова заинтересовал нас прежде всего потому, что в прошлом сам был съя-

зан с работой в пространстве Он участвовал в исследованиях атмосферы Юпитера, попал в какую-то аварию, все обошлось сравнительно благополучно, но дорога в космос для него была закрыта, и Тимкин удовлетворился скромной должностью инженера погоды. Месяц назад он, принимая очередное дежурство, пригласил Кизимова посетить его высотную резиденцию. Кизимов прибыл на «Орлиный пик» в одноместном спортивном аэрокаре типа «Фазан». Тимкин радушно встретил гостя, познакомил его с оборудованием своего довольно сложного метеорологического хозяйства, и целый день с пятачка, где расположена станция, друзья любовались суровыми ландшафтами Памира.

Вечером Кизимов улетел, а Тимкин в отличном расположении духа включил видеотектор и сдал вечерний радиорапорт. К его удивлению, вместо обычной формулы «Рапорт принят, спокойной ночи, конец связи, конец дежурный связист посоветовал ему не отключаться, поскольку связь с «Орлиным пиком» срочно потребовал старший инженер-синоптик Среднеазиатского Центра погоды. В разговоре с Тимкиным старший синоптик очень темпераментно пытался выснить, по какой такой причине приборы метеостанции сегодня выдали Центру совершенно фантастические результаты измерений. Тимкин ответил, что аппаратура станции работает нормально, обвинения в его адрес несостоятельны, и вообще поддерживать разговор в таком тоне он не считает для себя возможным. Старший синоптик уже повежливее намекнул, что, если температуру воздушной среды, равную температуре плавильной печи, Тимкин считает нормальным явлением в метеорологии, то разговаривать действительно не о чем. Ошеломленный Тимкин всю ночь напрасно возился с проверкой приборов. Аппаратура была в идеальном порядке...

Загадка так и осталась бы загадкой несети Кизимов «Орлиный пик» вторично. Это было неделю назад. С первыми звездами Кизимов улетел восвояси, Тимкин помахал ему вслед и с нехорошим предчувствием направился сдавать вечерний радиорапорт. Предчувствие не обмануло его. Центр сообщил: результаты дневных измерений метеостанции полностью забракованы.

Мы застали Тимкина в момент весьма неприятных для него объяснений с комиссией Центра. Сбитые с толку члены комиссии пытались найти для своего протокола хоть какую-нибудь вразумительную предпосылку, однако Тимкин, сбитый с толку гораздо более основательно, ничем не мог им помочь. Он сознавал, что, заподозрив Кизимова, так далеко выходит за рамки понятия о «вразумительности предпосылок», что об этом лучше помолчать. Уловив смысл обвинений, предъявленных дежурному инженеру метеостанции «Орлиный пик», мы попросили уважаемых членов комиссии оставить поле деятельности за ними, на что они охотно согласились.

Мы приготовились к трудному разговору, но достаточно было упомянуть о Кизимове, и Тимкин выложил нам свои подозрения. То есть, даже не подозревая, а твердое убеждение в том, что стоило Кизимову появиться вблизи измерительного комплекса метеорологической аппаратуры — приборы начинали врать. Мы попросили Тимкина взять на себя труд провести еще один такой эксперимент, но получили отказ. «Экспериментировать над своим другом я не намерен, — заявил Тимкин. — К тому же я убежден, что третий эксперимент в условиях «Орлиного пика» ничего нового вам не даст». Нам оставалось признать его правоту и внести в свою картотеку странный «эффект метеостанции». С экспериментами мы решили повременить, дополнительный материал могло нам дать простое наблюдение за Кизимовым...

Никольский остановился, вопросительно взглянул на Гэлбрайта.

— Продолжайте, прошу вас, — Гэлбрайт кивнул.

— Собственно, я рассказал почти все. Наблюдение за Кизимовым действительно было результативным. Отдел Слежения преподнес нам сюрприз — поющие деревяшки, вот подобные этой... — Никольский постукал по крышке футляра. — И мы решили, что располагаем достаточным материалом для прямой беседы с производителем мелких чудес. Один из наших сотрудников посетил Кизимова в его дачном особняке и попытался установить контакт. Попытка провалилась. Кизимов выпроводил визитера не намного вежливее, чем сделал это в отношении мистера Хаста. Тогда мы предложили строптивому собеседнику быть с ответным визитом у нас. Если вы интересуетесь подробностями состоявшегося разговора, мы подготовили звукозапись на картоне номер девятнадцать.

Гэлбрайт нашел нужный картон и передал Фрэнку. Поднял руку, призывая к тишине, хотя безмолвие в холле нарушалось только нетерпеливым сопением Хаста. Фрэнк нащупал в крышке стола щель лингверсора, бросил в нее пластмассовый прямоугольник.

— Запись немного сокращена, — успел предупредить Никольский. — Изъяты детали, которые не относятся к делу.

В колонках сликера на потолке пронзительно заверещала настройка лингверсора.

Первую фразу трудно было понять. Автомат-переводчик быстро менял варианты фонем в поисках тональности, наиболее близкой к звуковому оригиналу.

Вторая фраза прозвучала сравнительно чисто:

— Прошу вас, назови... свои фами... имя, род занятий.

— Простите, как мне вас называть?

— Можете называть меня инспектором.

— Инспектор, я попросил бы вас избавить меня от формальностей. Скажите сразу, что вам от меня угодно, и я постараюсь или ответить вам прямо...

— Или?
— Или не ответить.
Длинная пауза.
— Скажите, Кизимов, почему вы избегаете открытого разговора с представителями Управления космической безопасности?
— Вопрос поставлен неверно. Я избегаю говорить лишь на темы, обсуждать которые не нахожу возможным.
— Позвольте спросить, почему?
— По причинам сугубо личного свойства.
— Вы не могли бы сказать о причинах подробнее?
— Нет, не мог бы.
— Вы связаны определенными обязательствами?
— Я не понял вашего вопроса.
— Вы давали кому-нибудь обязательства не касаться интересующих нас тем?
— Ах, вот оно что... Нет, не давал.
— С кем вы поддерживаете дружеские отношения?
— Это мое личное дело.
— Вы считаете своим другом Жана Лорэ?
— Да, считаю.
— Вы сознаете, что ваши необычные свойства, приобретенные за пределами нашей планеты, не могли нас не заинтересовать?
— Это ваше дело.
— Это общественное дело, Кизимов.
— Я ведь не сказал — личное.
— Себя вы противопоставляете обществу?
— Ни в коем случае, инспектор! Разрешите вопрос?
— Пожалуйста.
— По-вашему, я представляю собой угрозу обществу?
— Вы должны понимать, что мы не имеем права не учитывать такую вероятность. А как бы на этот вопрос вы ответили сами?
— Отрицательно. То есть, для общества я опасен не более, чем любой другой «обыкновенный» житель планеты Земля.
— То есть, вы сознаете свою необыкновенность?
— Разумеется. Но кому от этого хуже, кроме меня?
— Простите, я вас не понял...
— Инспектор, поверьте мне на слово. Моя необыкновенность для меня такая же загадка, как и для вас.
— Может быть, это болезнь?
— Болезнь?.. Должен вас упрекнуть: вы не очень внимательно просмотрели мой бюллетень служебного спецкарантина. Заключение медэкспертизы гласит: «Здоров. С учета спецкарантинного сектора снят. Бессрочный пропуск на планету Земля выдан».
— Хорошо, не болезнь. Назовем это как-нибудь по-другому...
— Да, вы правы. Суть, конечно, не в терминах... Это — неизвестно где и неизвестно как приобретенные свойства, необычные для «нормального» человека. Предупреждаю возможный вопрос: я действительно не знаю «где» и не знаю «как».

— А вам не хотелось бы избавиться от такого «приобретения»?
— Видите ли... Для меня это уже не имеет значения.
— Как понимать ваш ответ?
— Как вам будет угодно.
— А для других?
— Что для других?
— Это имеет значение?
— Вы могли бы сформулировать вопрос точнее?
— Вам не приходилось говорить на эту тему с другими обладателями подобных свойств... ну, скажем, с Лорэ?
— Лорэ?.. Нет, не приходилось.
— Вас удивил мой вопрос?
— Да. При чем здесь Лорэ?.. Ах, понимаю!..
— Вы с Лорэ ничего не знали о феноменальных особенностях друг друга?
— Видимо, так.
— Странно. «Черные следы», которые оставляет он, ничем не отличаются от «черных следов», которые оставляете вы.
— Вероятно, вы говорите о... Нет, за Лорэ я этого не замечал. Я полагал, что кроме Йонге и меня...
— ...Феноменов такого рода больше не существует?
— Да. Ну что ж... тем хуже для Лорэ.
— Что вы имеете в виду?
— Прежде всего — вашу назойливость. Я всегда опасался дать вам для нее повод. В отношении «черных следов», как вы называете их, я проявлял особую осторожность. Дело прошлое, инспектор, но скажите мне откровенно, где вы могли заметить оставленный мною «черный след»?
— В отношении сокрытия «черных следов», Кизимов, вы достигли совершенства. Мы их не наблюдали ни разу. Мы располагаем косвенными данными. Но откровенность за откровенность. Скажите, как Йонге относится к своему положению феномена?
— Думаю, он не в восторге.
— Почему вы говорите об этом в форме неуверенного допущения?
— Уверенного, инспектор. По аналогии с ощущениями собственной персоны.
— И только?
— О, этого достаточно!.. Даже с избытком.
— Йонге знает, что вы его аналог по ощущениям такого рода?
— Думаю нет.
— Откуда вам известно, что Йонге ваш собрат по феноменальным свойствам?
— Однажды я случайно видел оставленный им «черный след».
— Как объяснил он вам это явление?
— Он сделал вид, что ничего особенного не произошло.
— А какова была ваша реакция?
— Я сделал вид, что ничего особенного не заметил.
— В беседах с ним вы никогда не касались этой темы?

— Нет. Это не та тема, которая могла бы доставить нам удовольствие.

— Неприязнь к этой теме как-то связана с вашей работой в пространстве?

— Маленькое уточнение, инспектор: в пространстве я уже не работаю. Вышел в отставку полтора года назад. Теперь работаю в школах первого цикла инструктором спортивных игр для школьников среднего возраста и прошу меня принимать именно в таком качестве.

— Вы хотите сказать, что не поняли моего вопроса?

— Я хочу сказать, что на вопросы, как-то связанные с прошлой моей работой в пространстве, я отвечать не буду.

— Но это главное, что нас интересует, Кизимов!

— Будем считать, что я не сумел удовлетворить вашу любознательность.

— Странный каприз...

— Скорее вынужденная самооборона.

— А как, по-вашему, поведут себя в подобной ситуации Лорэ и Йонге?

— Это их личное дело.

— Еще вопрос, Кизимов. По дороге в мой кабинет вы прошли коридор со стенами в виде пластмассовых жалюзи...

— Я помню, инспектор.

— Дело в том, что жалюзи скрывают комплекс аппаратуры, совершенно аналогичный тому, которым оборудована метеостанция «Орлиный пик».

— Я прошел мимо, но никаких нарушений в нормальной работе приборов не обнаружено, так?

— Вот именно. Как вы объясните, что эксперимент не удался?

— Он удался, инспектор. По крайней мере, вам удалось установить, что мое присутствие не обязательно действует на электронные «нервы» приборов.

— Каким же образом вы сумели дважды подействовать на электронные «нервы» аппаратурного комплекса метеостанции «Орлиный пик»?

— Уверяю вас, это неумышленно. Все зависит от характера моих эмоций.

— То есть?..

— На «Орлином пике» я находился в состоянии приподнятости, если не сказать восторга. Чистейший воздух, живительный холод, голубизна ледников... ну и все такое.

— То есть, вы способны воздействовать на электронную аппаратуру только в состоянии накала положительных эмоций?

— Да. Но я не уверен, что это происходит всегда. Иначе на метеостанции я вел бы себя осторожнее.

— А как насчет накала отрицательных эмоций?

— Сегодня я успел побывать в «экспериментальном» коридоре. Выводы делайте сами.

— Значит, способность воздействовать на приборы вам подконтрольна?

— Более или менее... Если я не забываю следить за своим настроением, радиус такого воздействия практически ничтожен.

— «Черный след» тоже вам подконтролен?

— К сожалению, нет. Малейшая неосторожность и... Но я стараюсь быть осторожным.

— В каком-нибудь смысле это явление представляется вам опасным?

— Очень. Но только в том смысле, что оно вызывает всеобщее любопытство. В других отношениях оно опасно не более, чем тень от хвоста отдыхающей на заборе вороны.

— С этим явлением вы впервые встретились в пространстве, не так ли?

— Я устал, разрешите мне вас покинуть. Не давайте мне повод усомниться в действительности всемирного закона о личных свободах граждан планеты.

— До свидания, Кизимов. Благодарю вас за исключительно интересную беседу. Надеюсь, у нас еще будет повод свидеться вновь.

— Вряд ли, инспектор. Но вы мне чем-то понравились. Хотите добрый совет?

— Я весь внимание.

— Оставьте нас в покое, инспектор. Лорэ, Йонге, меня... Этот «след» никуда не ведет. То есть, я хочу сказать, что здесь нет криминала. Не ройтесь в наших душах, не надо. Хотя бы потому, что это не только бессмысленно, но и жестоко. Будьте здоровы, инспектор!..»

Запись кончилась, лингвист умолк. Никольский и Гэлбрайт переглянулись. Остальные словно бы ждали чего-то еще. Даже неугомонный Лангер сидел неподвижно и молча смотрел в потолок.

Гэлбрайт покопался в грудке разложенных на столе документов, отобрал несколько листов, сделал Кьюсаку знак подойти. Кьюсак взял отобранные листы, шеф тихо с ним поговорил и выпроводил за дверь. Фрэнк понял, что документы отправлены на обработку в аналитический цех.

После ухода Кьюсака Гэлбрайт объявил перерыв.

— Парни, — сказал он, — вы все свободны до шестнадцати ноль-ноль.

Фрэнк поднялся вместе с ребятами.

— Все, кроме Полинга, — добавил шеф. — В названный час сбор в этом же холле. Прощу не опаздывать.

Ребята поглянулись к выходу. Фрэнк смотрел им вслед. Лангер обернулся и ободряюще ему подмигнул. Фрэнк сел. За столом никого уже не было. Никольский, разминая ноги, вышагивал у окна. Гэлбрайт и лысый старик о чем-то переговаривались возле бара. Вернее, говорил только шеф. Консультант слушал, держа в неудобно вытянутой руке стакан с молочным коктейлем, и было заметно, что навязанный ему кем-то стакан он держит просто из вежливости. Фрэнк подпер голову кулаками и уставился на фут-

ляр с ореховой тростью. Ему хотелось пощупать загадочное изделие Нортонга, но открыть футляр он почему-то не решился.

Никольский подступил к окну вплотную. С высоты семнадцатого этажа были видны многоцветные автострады, маленькое озерко в бетонных берегах, наполовину закрытое кронами старых платанов, блестящая полоса прямого и тоже взятого в бетон канала, пересекавшего огромный старый парк, и дальше — пятнистые желто-зеленые спины холмов. За холмами было морское побережье, но его отсюда не было видно, и Никольский с мимолетной завистью с нем подумал. Подошел Гэлбrait, взглянул на холмы, вплотную произнес:

— Кажется, Полинг нервничает.

— Еще бы, — не оборачиваясь, ответил Никольский. — Его можно понять.

— Его — да. Однако поймет ли он сам исключительную важность своей миссии.

— Вы правы. Ситуация... гм... деликатная.

— Без его помощи мы очень рискуем затянуть это дело.

— Признаюсь вам, Гэлбrait, — мягко сказал Никольский, — надежда на миссию Полинга представляется мне иллюзорной.

— Мне тоже. И если бы не крайняя нужда, я пощадил бы родственные чувства своего подчиненного. Но чем черт не шутит...

Слице, отражаясь в озере, сленило глаза, и Никольский надел светозащитные очки. Гэлбrait спросил:

— Намерение связаться с нами возникло у вас после беседы с Кизимовым?

— Да, как только Кизимов незаметно для себя проговорился о Йонге. К тому же, появление Хаста на Намре убедило нас, что «черный след» попал в поле зрения Западного филиала. Мы решили не чинить препятствий вашим попыткам самостоятельно установить контакт с Кизимовым. Мы понимали: неудача заставит Хаста обратиться к нам с каким-то предложением о согласованности действий.

— Вы правильно понимали, — одобрил Гэлбrait. Помолчал и добавил: — Теперь мы с вами правильно понимаем малонадежность миссии Полинга. Если так дальше пойдет, мы рискуем сесть в большую общую лужу.

— Не исключено, — сказал Никольский. — Это мы с вами тоже правильно понимаем.

Гэлбrait сверил свои часы с часами Никольского.

— Я послал в аналитический цех одного из самых расторопных парней, — сказал он, — словно оправдываясь.

— Потерпим. Похоже, задержка у аналитиков связана с нашим материалом.

— Да, вам крупно повезло с метеостанцией, Никольский... Вы получили отличный предлог для прямой беседы с Кизимовым.

— Кстати, о нашем везении, Гэлбrait... Вам не кажется... ну если не странным, то хотя бы занятным, что в показаниях первых очевидцев фигурирует только «черный след»?

— И ни слова о чем-то похожем на «эффект метеостанции» или «поющие деревянные»?..

Гэлбrait задумался. Никольский смотрел в окно и молчал.

— Да... пожалуй, в этом что-то есть, — проговорил Гэлбrait. — Либо те, кто сталкивался с «черным следом», не замечали всего остального, либо... «всего остального» раньше попросту не было.

— Я склоняюсь в пользу последнего, — осторожно ответил Никольский. — Иначе трудно объяснить, как обладателям подобных свойств удалось миновать рогатки специкарантина.

— А затем и пройти обязательный ежегодовой медосмотр для бывших работников Внеземелья, — добавил Гэлбrait.

— Да. И еще — беседа с Кизимовым...

Конечно, он многого не договаривает, настроен если и не совсем враждебно, то уж во всяком случае отнюдь не дружелюбно. Однако он не лжет, не пытается запутать следствие. И когда дает нам понять, что происшествие на метеостанции было неожиданностью для него самого, нет оснований этому не верить. Там у себя мы сделали вывод весьма неприятного свойства: интересующий нас феномен раньше дремал, а теперь по каким-то причинам стал заметно активнее. Буквально в последнее время...

— Демон, вселившийся в наших подопечных, начинает показывать зубы?

— Всего лишь гипотеза...

— И довольно зловещая, — Гэлбrait пожевал губами. — Да, с ней придется считаться... Нет ли у вас заодно и гипотезы о причинах усиления активности феномена?

— Увы.

— Жаль... Если пружина сработала где-то внутри самого черноследника — полбеды. Но если толчок направлен откуда-то извне... — У Гэлбрайта повело и резко дернуло щеку.

Никольский покосился на его почти не тронутое летним загаром лицо. Сунув руки в карманы, сказал:

— Между прочим, у вас здесь отличные пляжи...

— Это мне, к сожалению, известно, — безучастно проговорил Гэлбrait.

— Кстати, завтра — суббота.

— Как нельзя более кстати. Очень удобный для Полинга день. Вернее — для естественной окраски его внезапного визита в Консорт.

— Полагаете, шурин будет безумно счастливым видеть его у себя?

— Поймите, Никольский... Мне ужасно не хочется стабить Полинга под удар, но это пока единственная возможность попытаться прижать Нортонга к стенке.

— Заманчиво. И в то же время сомнительно... Впрочем, Полинг имеет ряд преимуществ.

— Вот именно! Родственная связь, сест-

ра, знание слабых и сильных сторон характера Нортон. В конце концов, мы оставляем за Полингом право пойти на попятный, если запахнет паленым. Меня тревожит другое...

— Неопытность Полинга?

— Нет. Он сообразителен, умен. Меня тревожит вопрос, располагаем ли мы достаточной суммой сведений о черноследниках. Гольями руками Нортон не возьмешь. Вызвать его на существенный разговор можно, лишь располагая существенными фактами.

— Да, только так... Что ж, посмотрим, чем порадуот нас аналитики.

Они вернулись к столу.

У Фрэнка, который провел это время за невеселыми размышлениями в одной компании с черным футляром и безнадежно немим стариком, сильно испортилось настроение, и он с несвойственным ему злорадством отметил про себя, что в темных очках долговязый Никольский выглядит просто нелепо (темные очки действительно не шли Никольскому), а унитанный шеф теряет изрядную долю своей монументальной солидности, когда вот так нервно стучит костяшками пальцев о стол, то и дело глядит на часы и, натужно посапывая, озирается по сторонам, словно забыл, по какому поводу здесь очутился. У шефа было негласное прозвище — Носорог... И только Фрэнк это подумал, раздражение улеглось. Умный Носорог, грозный Носорог, праведный Носорог, трудолюбивый и принципиальный Носорог. Его, Носорога, слегка побаивались, но уважали. Интересно, какое прозвище у Никольского? Ведь есть же у него какое-нибудь прозвище. Восточного типа. Скажем, Лось или Зубр. Или совсем экзотично — Копыто... Неожиданно для себя Фрэнк проникся сочувствием к этим двум корифеям оперативного сыска, несущим на своих давно не тренированных плечах бремя головоломных расследований и постоянных тревог за судьбы всего человечества. Разумеется, он понимал: кроме сочувствия, корифеям нужна его помощь, и готов был землю рыть от усердия, но вместе с тем сознавал совершенно отчетливо, что в поединке с таким человеком, как Нортон, иметь в своем арсенале одно лишь усердие — это все равно, что не иметь ничего...

— Не помню случая, когда бы аналитический цех укладывался в свои законные четверть часа, — проворчал Гэлбrait.

— Не рискнуть ли нам попытаться предугадать результаты анализа? — невозмутимо предложил Никольский.

Гэлбrait взглянул на него?

— У вас намечены контуры версии?

Никольский ненадолго задумался.

— Пожалуй, нет, — сказал он — До этого, пожалуй, далековато...

— С чего начнем? — спросил Гэлбrait.

— Вам виднее. В чужой монастырь, говорят, со своим уставом не ходят.

— Ну хорошо... Окинем ретроспективным

взглядом события общеизвестные, но подзрительные в свете отобранных нами фактов. Вот, скажем, незавершенное дело трехлетней давности — авария на Сиреновом плато...

— Меркурий?

— Да. Позволю себе напомнить обстоятельства дела. Орбитальная станция «Гелиос» по неизвестной причине сошла с орбиты и врезалась в энергетический комплекс «Солар»...

— Припоминаю. И что же?

— Любопытен список участников спасательной экспедиции, сброшенной на руины «Солара». Вернее — список участников ее десантного авангарда.

— Я просматривал список. Там есть Кизимов, Нортон и Йонге. Но там нет Лорэ. — Никольский снял очки. — Послушайте, Гэлбrait, космодесантник Лорэ вышел в отставку восемь лет назад. С тех пор постоянно живет на Земле и никакого отношения к Внеземелью уже не имеет. С другой стороны, мы уверенно полагаем, что «черный след» — феномен внеземельного происхождения.

— Итак, вы настаиваете, что Йонге, Кизимов, Нортон, Лорэ оказались носителями «черных следов» строго одновременно?

— Я ни на чем не настаиваю. Просто легче предположить, что эта... гм... — Никольский поиграл очками, подыскивая нужное слово, — феноменизация, что ли, настигла всех четверых одновременно при одних и тех же условиях. Поэтому давайте договоримся не затрагивать пока событий, отмеченных более поздней датой, чем отставка Лорэ.

— Договорились. Положим в основу будущей версии принцип одновременности.

— Если покопаться в прошлом и подумать, то в нормальном соответствии с условиями нашего договора найдется...

— «Лунная радуга», — не раздумывая, сказал Гэлбrait.

Никольский с треском сложил дужки очков.

Фрэнк, внимательно следивший за разговором, понял, куда нацеливались корифей. В переkreстье прицепа — разведочно-десантный рейдер «Лунная радуга». А если точнее — вторая катастрофа на Обероне...

Момент был любопытный: рождалась версия на основе событий десятилетней давности!.. Фрэнк покосился на старика. Минстер Икс безучастно разглядывал забытый Кьюсаком футляр с ореховой тростью, и любопытный момент рождения версии, казалось, ни в малейшей степени его не занимал.

— «Лунная радуга»... — повторил Гэлбrait. Его пальцы выбили барабанную дробь на полированной поверхности стола — Бортового номера не помню. Экипаж — двадцать два человека. Капитан корабля Игорь Молчанов, штурм-навигатор Слоимский, первый пилот Меф Аганн...

— Начальник рейда на Оберон Николай

Асеев, — добавил Никольский. — Ну и командир десантной группы Юс Элдер. Похоже, все, что касается «Лунной радуги», мы с вами знаем едва ли не наизусть. Симптоматично, Гэлбрайт... — Никольский тоже побарабанил пальцами. — Очень симптоматично.

— Ну если полный букет имен феноменальной четверки можно встретить лишь в списке десантной группы Элдера... — Гэлбрайт тяжело задумался. — Скажите, Никольский... а вас не смущает тот факт, что события на Обероне имеют без малого десятилетнюю давность?

— Смущает. В том плане, что мы, очевидно, плохо работаем. Ситуация совершенно scandalная: сегодня мы занимаемся тем, чем обязаны были заняться по крайней мере лет восемь назад...

— А в идеале — сразу после злополучного рейда «Лунной радуги», — проворчал Гэлбрайт.

«Пароксизм самобичевания, — подумал Фрэнк. — Каждый раз та же самая песня: плохо работаем, недосмотрели, недоучили... Неужели им никогда не понять, что суперпредусмотрительность в наших условиях — это огромный мыльный пузырь?!»

— Простите, — не выдержал он, — вопрос можно?

— Можно, — позволил шеф и свирело взглянул на часы. — Но учтите, Полинг, времени у вас немного — на полсекунды больше, чем продлится безобразное молчанье аналитиков.

— Спасибо, учту, — Фрэнк обратился к Никольскому: — Мистер Никольский... вот вы говорите: плохо работаем. Верно. А почему, как по-вашему?

На лице Никольского появилось странное выражение. Бесцветным голосом, но очень спокойно он произнес:

— Полагаю, это не относится к предмету нашего следствия.

— Да, вы правы. Это относится к предмету нашей стратегии в целом.

— Ах, стратегии!.. — повторил Никольский, и странное выражение на его лице обозначилось еще отчетливее.

— Хочу заранее вас успокоить: в мои намерения не входит праздное вопрошательство, — вежливо сказал Фрэнк.

— Будем считать, что это вам удалось.

— Вы очень любезны...

— Думаю, в ваши намерения также не входит желание утомить меня комплиментами.

— Не входит, — согласился Фрэнк. — Я для этого слишком рационален. Итак, я осмелился затронуть тему, которая в нашей служебной среде, мягко выражаясь, не популярна... Волей судеб, или, лучше сказать, под давлением обстоятельств, создано Управление, определены его задачи, укомплектован штат — два чудовищно разбухших филиала. Солидные средства, грамотный персонал, новейшая техника, а работаем из рук

вон... Скверно, в общем, работаем. Вот вы упомянули отделы Слежения... А если глубже? Если нет у нас гибкой функциональной программы? Ведь не секрет, что наши рабочие методы сплошь и рядом себя не оправдывают. А может быть, дело не в этом, и мы и наши методы здесь ни при чем? Может, дело в природной ограниченности функциональных возможностей нашего мозга?

— Э-э... в каком это смысле «природная ограниченность»? — осведомился Никольский.

— В прямом. Или, если хотите, в буквальном. Природа, видите ли, сконструировала мозг в условиях Земли и для земных условий. Насчет космических она, в силу известных причин, просто не думала. За нее теперь думаем мы. И думаем, как показала практика, плохо, потому что думать нам приходится мозгом сугубо земным, который с грехом пополам разобрался в домашних проблемах родимой планеты. Да и то...

— Но ведь то, о чем вы говорите, тоже входит в сферу «домашних проблем», не так ли?

— Да, но с космической спецификацией. Разница есть. — Фрэнк уже пожалел, что затеял эту дискуссию: шеф тяжело ворочался в кресле, прямо-таки излучая неудовольствие.

— Свой резон в этом, конечно, имеется, — согласился Никольский, и в его глазах промелькнуло нечто такое, что Фрэнка сильно задело: нечто вроде терпимости страуса к экспансивным выходкам молодого наглого воробья. — Размышлять «земным» умом над загадками космоса действительно... э-э... неудобно. Если я правильно понял, вам очень не нравится слабая приспособленность нашего мозга к оперативным оценкам космических неожиданностей. Кстати, мне тоже. Вы имеете предложить что-нибудь... гм... позитивное?

— Позитивное, негативное... — Фрэнк вздохнул. — Я ничего такого не предлагаю. И не имел в виду что-нибудь предлагаю. Я ведь о чем говорю? Пока не задумываешься над стратегическим смыслом наших усилий, работать приятно и увлекательно. Но уж если задумался... Понимаете?

— Понимаю. Вы, должно быть, недавно работаете в системе нашего Управления?

— Да. Но задуматься, как видите, успел.

— Это пройдет, — пообещал Никольский. — Я имею в виду вашу склонность к отчаянию. Непременно пройдет, как только вам выпадет случай проявить свои деловые качества.

— А можно полюбопытствовать, из какого источника вам удается черпать этот субстрат оптимизма?

— Из опыта.

— Из собственного опыта?

— Из собственного — тоже.

— А опыт не подсказывает вам, что перед любой мало-мальской угрозой оттуда... — Фрэнк покрутил пальцем над головой, копируя памятный жест Вебера, — мы, в сущнос-

ти, безоружны? Что мы имеем на вооружении? Да ничего стоящего... — пардон! — за исключением деловых качеств... Кстати, буквально на днях двое наших сотрудников успели свои деловые качества продемонстрировать. И теперь, как остроумно предполагает мой проницательный шеф, дело за мной...

Фрэнк покосился на шефа. Гэлбрайт безмолвствовал. Лицо у него шло пятнами, в глазах было зеленое бешенство, но держать себя в руках он умел. Лицо Никольского, напротив, смягчилось и подобрело. Отчего оно там смягчилось и подобрело, можно было лишь строить догадки. Старик-консультант сидел по-прежнему неподвижно и смотрел почему-то на Гэлбрайта. «Консультант по вопросам морали безмолвия», — мельком подумал Фрэнк и решил, что язык все-таки следует попридерживать. «Иначе меня попенет, — думал он, — и мне будет плохо. Шеф явно созрел, чтобы сделать мне плохо...»

— Я слушаю вас, продолжайте, — сказал Никольский.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Фрэнк. — Воспользуюсь. Я говорю неприятные вещи, но мне нужно, чтобы меня наконец кто-то выслушал...

— Вы говорили о нашей слабой вооруженности, — напомнил Никольский.

— Да. Ну что мы имеем в арсенале «противокосмических» средств? Про деловые качества я уже... Далее. Сомнительной надежности антисептика, немногим более надежные лучеметы и... смешно и стыдно сказать — стальные наручники! И еще — зоны спецкарантина. Вот, кажется, все. Я ничего не упустил?

— Сущю безделицу — весь арсенал современной науки.

— Да? А что сказала наука хотя бы по поводу «черных следов», «эффекта метеостанции» или этих вот деревяшек? — Фрэнк ткнул пальцем в черный футляр.

— Пока ничего, но, разумеется, скажет.

— А что сказала наука по поводу взрыва Тунгусского метеорита? А по поводу очагов «синего бешенства» на Венере? Насколько я понимаю, тоже «пока ничего». Для многих успокоительно знать, что тунгусский взрыв был давно и в тайге. А если «тунгусское диво» позволит себе повториться, и не в тайге?.. Слово «пока» — удобный, но очень слабый аргумент.

— И, между прочим, единственный, — добавил Никольский. — Именно по тем причинам, о которых вы говорите. Только за этим аргументом будущее, альтернативы нет. А во всем остальном да помогут нам опыт и интуиция.

— Про интуицию это вы хорошо... Не знаю, как ведет себя интуиция ваша, а вот моя, откровенно признаться, выходит за рамки приличия. С каждым днем она все увереннее подсказывает мне: мы проиграли. Мы — люди Земли, планетарный вид хомо сапиенса... Точнее, проигрываем, но это все

равно, потому что процесс необратим. Если по мере нашего вторжения во Внесемелье количество «сюрпризов» будет расти такими же темпами, мы поставим сами себя на грань биологической катастрофы. Поверхность планеты покроеется зонами «полного отчуждения», и в конечном итоге мы, настоящие люди Земли... Словом, едва ли удастся нам сохранить свою природную сущность. Разве что в каком-нибудь специально организованном для «настоящих людей» заповеднике.

— Мрачноватая перспектива. — Никольский покачал головой.

— Это я вижу и сам. Хотелось бы знать, как это видите вы...

— Я понимаю. Подсознательно — или сознательно? — вы хотите, чтобы кто-то помог вам обнаружить брешь в вашем таком монолитном, как вы полагаете, логически безупречном построении. Разумеется, я не уйду от ответа, но, боюсь, моя точка зрения покажется вам тривиальной. Видите ли, Поллинг, в чем разница... Для вас «космическая неожиданность» — бомба сегодняшнего дня, дамкловым мечом нависшая над современным человечеством...

— Вы представляете это себе как-то иначе? — удивился Фрэнк.

— Да. Я полагаю, с «космической неожиданностью» человек познакомился не сегодня. Он с нею родился, ею взлелеян и ею воспитан. Разве менее эффективным «сюрпризом» для троглодита было Великое оледенение? Добавьте к этому ужасы землетрясений и наводнений, и не надо будет объяснять, как часто волосатый наш предок видел перед собой «конец света». А что имел он в арсенале «противостихийных» средств? Сомнительной надежности дубину, немногим более надежный каменный топор и быстрые ноги, чтоб улепетывать подальше от опасных зон катастрофических катаклизмов...

— Шарик наш голубой сегодня так мал, что улепетывать нам практически некуда, — заметил Фрэнк. — Это во-первых. А во-вторых, «космическое» не есть «стихийное». Качество уже не то. Не земное. Но это детали.

— Вот именно. Да, угроза биокатастрофы для планетарного вида человека разумного сегодня теоретически существует. Но практически... Практически люди Земли во все времена довольно-таки убедительно продемонстрировали свою изобретательность в борьбе за выживание. С какой же стати отказывать человечеству в праве продемонстрировать это еще раз?

— Понятно... Человечество уповает на дальновидность лидеров, лидеры кивают на человечество, а угроза биокатастрофы тем временем зреет. Более того — начинает уже плодоносить... И нет достаточно действенных средств, чтобы этому воспрепятствовать.

— Вот здесь-то наши взгляды и расходятся. Такие средства есть. И самое действенное из них — это наша с вами работа.

Видите ли, Полинг... Любое стихийное бедствие — ну, скажем, крупное наводнение — было для троглодита «космической неожиданностью». Но лишь до тех пор, пока он не научился строить плотины.

— Согласен. Мораль?

— Разве не ясно? Чтобы построить плотину, надо строить ее.

— Так... Вы не будете возражать, если я попытаюсь сформулировать вашу мораль в более современном стиле?

— Сделайте одолжение.

— Для того, чтобы строить эту плотину, сегодня нам нужен четко обоснованный, строго рациональный проект. Иначе легко уподобиться... нет, даже не троглодитам. Муравьям, которые строят свой муравейник на дне завтрашнего крупного водохранилища...

— А разве такого проекта не существует? — вмешался Гэлбрайт. — Полинг, внимательно перечитайте свой служебный устав. Ибо там сказано: «Главной задачей, обязанностью и высшей общественной привилегией штатных сотрудников Управления считать оперативное производство и неукоснительное исполнение мер по обеспечению безопасности человечества в целом в период разведки и освоения внеземельных объектов». По-моему, предельно ясно. Это вам и проект, и руководство к действию, и функциональная программа.

— Прошу прощения, шеф, — осмелился возразить Фрэнк, — но это пока всего лишь голая схема, изготовленная по образцу кладбищенских оград. Ограда, стало быть, есть, а кладбище продолжает исправно функционировать...

Фрэнк прикусил язык, но было поздно: лицо онемевшего шефа явило взору присутствующих полную гамму спектральных цветовых тонов — от ярко-красного до сочно-фиолетового. Шеф сделал несколько движений ртом, без звука. Как рыба на воздухе.

— М-мальчишка! — наконец просипел он сдавленным голосом. — Пороть! Вот и вся педагогика!.. — Он дважды дернул щекой и спохватившись, заставил себя успокоиться (было заметно, каких усилий ему это стоило). — Служебный устав для него — ограда на кладбище! А сам он, видите ли, роется на свалках истории философии, подбирает изъеденный молью экзистенциализм и пытается взгромоздить эту пыльную рухлядь на космический пьедестал. И, конечно же, мнит при этом, что действует исключительно в интересах всего человечества! Нет, вы видали такое?! — Последний возглас, надо палатать, был адресован Никольскому.

Фрэнк молчал. Никольский взглянул на него и сказал:

— Аверьян Копаев... Запомните это имя, Полинг. Если вам доведется бывать в сте-

нах Восточного филиала, вы с Аверьяном, пожалуй, быстро найдете общий язык. Подобно вам, он самым активным образом озабочен проблемой спасения человечества.

— Ах, там у себя вы тоже ходите в ретроградах? — Гэлбрайт удовлетворенно покивал, словно уже одна мысль о том, что Никольский ходит там у себя в ретроградах, доставила ему огромное облегчение.

— Ну может ли быть иначе? — отозвался Никольский. — Правда, мое положение сложнее. Аверьян Копаев — сын моего погибшего друга...

— Копаев?.. — Гэлбрайт наморщил лоб. — Позвольте! Михаил Копаев, участник меркурианского следствия по делу о «Солнечных галлюцинациях»?

— Совершенно верно. Опыт работы на Меркурии дался нам дорого...

— Да, отчаянное было дело... — Гэлбрайт вздохнул. — Странно, что самой тяжелой планетой оказался для нас именно Меркурий. Да и не только для нас... Кажется, вы работали там в группе технического содействия?

— Нет. В лагере техников состоялось наше с вами знакомство. А работал я в штабе бригады второго доследования.

— Да, да, припомню! Даже помню, что кто-то из штаба бригады предлагал применить в Каньоне Зла техническую блокаду...

Улыбчиво щуря глаза, Никольский дополнил:

— А кто-то из вашей группы шел еще дальше и предлагал разделиться с Каньоном залпами аннигиляторов.

Гэлбрайт смущенно покашлял.

— Молодости свойственен радикализм, — сообщил он бархатным голосом. — Впрочем, мне кажется...

Он не успел сообщить, что ему кажется, — пискнул сигнал внутренней связи.

— О, вспомнили наконец! — пробормотал Гэлбрайт и озабоченно спросил: — Ну, парни, что у вас там?

— Докладывает старший оператор группы синтеза Купер, — отозвался спикер на потолке. — Аналитики сделали свое дело, шеф, состыковались с нашей системой. Мы готовы, можно начинать.

— Превосходно, Купер. Начинаем немедленно. Встретимся в раут-холле. — Никольскому: — Раут-холл этажом ниже, там нам будет удобнее.

Никольский поднялся. Гэлбрайт остановил его жестом и тронул какую-то кнопку под крышкой стола.

— У нас с вами нет времени для ходьбы. К сожалению.

Стол, кресла и люди, сидящие в них, мягко опустились этажом ниже.

(Окончание следует)

Scanned by
Serg_Niki

Сергей ПАВЛОВ

ЛУННАЯ РАДУГА

Глава 4. ДЕЛО О ДОСРОЧНЫХ ОТСТАВКАХ

Светлый овал сомкнулся над головой. Полная тишина. Кто-то чихнул, и Фрэнк, ощутив медленный ток охлажденного воздуха, с беспокойством подумал о старике.

— Долго возитесь, Купер! — бросил в темноту Гэлбрайт.

— Адаптация зрения, шеф.

— Оставьте. Привыкнем по ходу дела.

Вокруг неуверенно замерцало. Никольский оглядел помещение: судя по абрисам пола и потолка, холл был цилиндрической или бочкообразной формы. Стены источали мягкое сияние, создавая иллюзию пространственной глубины, и ничем существенным не отличались от экранных стен залов экспресс-информации в отделах Восточного филиала. Иллюзорная глубина слабо окрасилась: левая половина холла нежно-зеленым, правая — голубым, и холл стал похож на остекленный зал демонстрационного океанариума с двухцветной водой, а там, где должна была проходить граница слияния красок, проступило крупное изображение оператора. Это был сероглазый бронец, лет тридцати.

— Джон Купер, — представил оператора

* Окончание. Начало см. «Енисей» № 6, 1975.

Гэлбрайт. — Специалист синтез-информацион-ной группы.

Купер приподнялся над пультом, кивнул. В его неторопливых, небрежно-ловких движениях угадывались приметы, свойственные человеку самоуверенному.

Гэлбрайт перешел к делу:

— В поле нашего зрения... вернее будет сказать, подозрения — рейдер «Лунная радуга», корабль третьей по счету экспедиции к Урану. Что у вас по результатам анализа, Купер?

— То же самое, шеф. На подозрении комодесантники группы Элдера. Даю список.

Оператор произвел на пульте нужные манипуляции, и на голубой стенке возникли две колонки имен и фамилий:

Тимур Кизимов	Юс Элдер
Дэвид Нортон	Николай Асеев
Эдуард Йонге	Аб Накайма
Жан Лорэ	Мстислав Бакунин
Марко Винезе	Леонид Михайлов
Золтан Симич	Рамон Джанелла
Меф Агани	

— Вторая колонка — список десантников, погибших в момент так называемого «оберонского гурма», — пояснил Купер. — Пилот «Лунной радуги» Меф Агани в десантной группе официально не числился, однако участвовал в высадке на Оберон.

— Список погибших можно убрать в записник, — позволил Гэлбрайт.

Вторая колонка растаяла на голубом и проступила на зеленом поле экрана.

— Если мне память не изменяет, — проговорил Гэлбрайт, разглядывая оставшуюся колонку, — Винезе два года назад пропал без вести во время разведки пещер Лабиринта Сомнения в недрах Меркурия.

— Память вам не изменяет, — подтвердил Никольский. — Винезе придется убрать из списка живых.

— Золтана Симича, к сожалению, тоже, — добавил Купер.

Никольский и Гэлбрайт уставились на оператора.

— Это с какой стати? — спросил Гэлбрайт.

— Согласно последним данным отдела Регистрации, шеф.

— Когда?

— Сорок один час назад.

— При каких обстоятельствах?

— Принимал участие в поисках дисколета, потерпевшего аварию в южной зоне Горячих Скал на Венере. Погиб во время кольцевого вулканического извержения.

— Тело Симича? — спросил Никольский.

Секунды напряженного молчания. Фрэнк обратил внимание на мистера Икс и поразился происшедшей в нем перемене: подавшись вперед, старик по-птичьи вцепился в край стола белыми пальцами, рот приоткрыт узкой и темной щелью, — поза весьма заинтересованного человека.

— Тело Симича?.. — переспросил Купер.

Обвел глазами пространство — должно быть, разглядывая там, в операторской, невидимые отсюда экраны. Манера водить глазами, почти не поворачивая головы, придавала облику оператора деловую многозначительность. — У меня таких сведений нет.

— Сделайте срочный запрос, — посоветовал Гэлбрайт.

Купер с ловкостью факира выхватил откуда-то блестящий шарик и профессионально-точным движением вставил его себе в ухо:

— Свяжите меня с отделом Регистрации. Да, сектор «Венера»... Ты, Викинг? Привет! Нас интересуют последние новости из южной зоны Горячих Скал... Так. Понятно. Благодарю тебя, Викинг. — Купер выключил переговорное устройство. — Дисколет найден, шеф. Экипаж уцелел. Под извержение попали двое: Симич и его напарник. На месте их гибели — озеро высокотемпературной лавы. Поиски прекращены.

— М-да... — проговорил Гэлбрайт. — Многообещающее начало. Что ж, остается известная нам четверка плюс Меф Агани... Купер, пожалуйста, все сведения об Агани. Послужной список, портрет, характер, привычки... ну, словом, все, что касается этого человека. Остальное — в записник.

Список десантников полностью переключал на зеленое поле. По голубому прошла темная полоса, оставляя после себя восемь колонок четкого текста. Над первой колонкой — красочный слайд: коренастый человек в белом спортивном комбинезоне, прижимал к груди какой-то круглый металлический предмет и улыбался. У человека были очень светлые желтоватые волосы и синие, с бирюзовым оттенком глаза.

— Обаятельная внешность, — признал Гэлбрайт. — Посмотрим, однако, что в тексте... Родился, учился, мечтал, закончил, летал, участвовал... Так, хорошо. Спортивные увлечения: пневмольжи, экранолет... Великолпно. Общителен, терпелив, дружелюбен, покладист... и все остальное в том же духе. Не человек, а вместилище всех совершенств и достоинств. И почему-то холост... Летная стажировка на «Альбатросе», должность пилота на «Скандинавии», первый пилот «Лунной радуги». Шесть лет назад администрацией Управления объединенного космического флота Системы (УОКС) назначен капитаном танкера «Анарда». Премии, награды, поощрения... Купер, какие линии сейчас обслуживает танкер?

— Решением администрации УОКСа танкер снят с дальнорейсовых линий, переброшен в лунную систему Сатурна и поставлен на орбитальный прикол у Ялота. УОКС намерен всучить эту ржавую бочку сатурнологам Первой комплексной экспедиции. В качестве орбитальной базы.

— Понятно. Агани?

— Теперь он «соломенный» капитан.

— Подал в отставку?

— Нет. И даже не покинул борт «Анарды». Формально он имеет на это право, пока

не будут утверждены акты на списание и передачу танкера.

— Странно... Пятьдесят два года — предельный возраст для космонавта. На что он рассчитывает?

— Трудно сказать. Администрация отдела летного состава УОКСа тоже в недоумении, но торопить заслуженного ветерана с отставкой пока не решается.

Гэлбрайт, откинувшись в кресле, разглядывал слайд.

— Купер, а что он держит в руках?

— Приз, который ему вручили за первое место в трансатлантических гонках на спортивных экранолетах по маршруту Дакар — Флорида.

— Когда это было?

— Десять лет назад.

— Значит, перед отлетом на Оберон... Какими видами спорта он увлекался позже?

— Это было его последнее увлечение, шеф.

— Чем же он заполнял свой досуг во время отпуска на Земле?

— Мне придется связать нашу синтез-систему с информотекой отдела охраны труда УОКСа.

Пока оператор был занят, Гэлбрайт перечитывал текст.

— Готово, шеф.

— Я весь внимание, Купер.

— Согласно данным УОКСа, за последние десять лет Аганн провел на Земле отпускного времени вдвое меньше, чем этого требуют нормы охраны труда. Даю диаграмму.

Вспыхнул красочный круг с разноцветными секторами. Минуту Гэлбрайт разглядывал диаграмму.

— Такое впечатление, — сказал он, — будто после событий на Обероне Аганн намеренно избегает бывать на Земле.

— Да, шеф. Отдел охраны труда чуть ли не силой заставляет Аганна использовать право на отдых, и каждый раз Аганн покидает Землю задолго до окончания отпуска. Более того... Ни для кого не секрет, что экипажи кораблей УОКСа, призванные на космодромы и базы Луны для переподготовки, формируемый летного состава или просто в резерв, используют любую возможность, чтобы часть времени провести на Земле. До событий на Обероне Аганн поступал точно так же. Однако последние десять лет...

— Достаточно, Купер. Я жду ответа на свой предыдущий вопрос.

— Все свое отпускное время Аганн проводил в постоянных разъездах, но очень своеобразно.

— То есть?

— В одном из агентств объединения «Глобус» он заказывал туристский литер на посещение нескольких, но всякий раз одних и тех же городов. Свой турвоаж неизменно начинал и завершал в Торонто.

— Список всех городов! — потребовал Гэлбрайт.

На голубом поле экранной стены промельк-

нул сверкающий зигзаг, и рядом с кругом цветной диаграммы появилась новая колонка текста:

г. Торонто — Элдер

г. Буэнос-Айрес — Джанелла

г. Киев — Бакулин

г. Суздаль — Асеев

г. Иркутск — Михайлов

г. Симода — Накаяма

г. Торонто — Элдер

— В чем дело!? — Гэлбрайт даже пристал.

— Сработал синтез-блок совпадений... — Купер пожал плечами. Теперь, оглядывая экраны операторской, он довольно-таки энергично вертел головой. Тишина в раут-холле стала почти осязаемой. — Ах, вот оно что! Ну, понятно!..

— Мы охотно разделим с вами ваш восторг, — прошипел Гэлбрайт.

— Аганн посещал родные города погибших десантников, шеф...

Гэлбрайт переглянулся с Никольским. Сказал Куперу:

— Список немедленно передать отделу Наблюдения, — нашарил на столе кнопку внутренней связи: — Соедините меня с отделом Наблюдения.

— Дежурный отдела Наблюдения Бауэр, — откликнулся спикер.

— Оперативно-следственный отдел. Гэлбрайт. Вам передан список шести городов и привязанных к ним фамилий космодесантников. Это по делу «Черный след». Поднимите на ноги всю нашу агентуру в указанных городах. Задание первое: провести операцию типа «Эспланейд» в местных отелях объединения «Глобус». Подозреваемый — Меф Аганн, капитан танкера «Анарда». Задание второе: выяснить, встречался ли Аганн с родственниками или друзьями перечисленных в списке погибших космодесантников. Если да, то по каким вопросам конкретно. Относительно городов восточного полушария вам необходимо срочно войти в контакт с отделом Наблюдения Восточного филиала. Контакт запросите от имени... — Гэлбрайт вопросительно взглянул на Никольского — тот кивнул, — ...от имени шефа оперативно-следственного отдела этого филиала Никольского. Все сведения по мере их поступления немедленно передавать мне. Выполняйте.

— Дежурный Бауэр принял.

— Я очень рассчитываю на вашу расторопность, Бауэр. Желаю успеха.

Заложив руки за спину, Гэлбрайт обошел вокруг стола.

— Как вы полагаете, Никольский... Аганн причастен к «черным следам»?

— Я полагаю, мы обязаны его подозревать.

— Меня смущает заметная разница в отношениях к Земле у десантников и у Аганна. Первые любят бывать на Земле, охотно используют отпуск и любые другие возможности. Последний не любит.

— Любит, не любит... — проговорил Ни-

кольский. — Пожалуй, это не те слова, Гэлбрайт.

Остановившись, Гэлбрайт медленно повернулся к Никольскому.

— Кажется, улавливаю вашу мысль... Купер, поройтесь в информотеке УОКСа: нет ли там документов, которые бы свидетельствовали о намерении кого-либо из наших десантников выйти в отставку досрочно.

Купер склонился над пультом.

Фрэнк вздохнул и посмотрел в потолок. Он знал, что такое досрочная отставка для бравого молодца с эмблемой «Дикая кошка» на рукаве, затея шефа представлялась ему абсурдной. По крайней мере, за Нортон можно было без риска поручиться собственной головой...

Купер выпрямился, тихо присвистнул.

— Кто? — спросил шеф.

— Все. Кроме Винезе и, разумеется, Мефа Аганна. Даю текст.

Появилось пять колонок текста. Фрэнк нашел фамилию Дэва и не сразу поверил глазам. Дэвид Нортон, который всегда был для Фрэнка загадочным средоточием мужества, жестокости, силы, трижды ставил в тупик администрацию УОКСа просьбами о досрочной отставке!..

Ошарашенный Фрэнк проверил другие фамилии. Два раза просил об отставке Симич, по разу — Кизимов, Йонге, Лорэ... Как ни прискорбно, палма «первенства» принадлежала Нортону. Да, ругаться головой в такого рода делах по меньшей мере наивно.

— Чем дальше в лес, тем больше дров... — туманно выразился Никольский.

— Обращает на себя внимание слабость сопровождающих просьбы мотивировок, — заметил Гэлбрайт. — Похоже, авторы просьб старались скрыть настоящий мотив. Или я начинаю судить предвзято.

— Нет, — сказал Купер. — Ваше мнение совпадает с мнением УОКСа. Только просьбу Лорэ УОКС признал достаточно мотивированной, поскольку она опиралась на заключение медэкспертизы. У десантника всерьез пошаливали нервы.

— Самое любопытное, — заметил Никольский, — основная масса просьб падает на второй и третий годы после событий на Обероне.

— Да, на четвертый приходится лишь последняя просьба Нортон. — Гэлбрайт метнул взгляд в сторону ошеломленного Фрэнка. — Нортон выглядит рекордсменом во всех отношениях.

Никольский тоже посмотрел на Фрэнка, но ничего не сказал.

«Не воображают ли они, будто я что-то утаиваю?..» — в недоумении подумал Фрэнк.

Гэлбрайт сел, удобно откинувшись в кресле. — Вот что, Купер... Возьмите всю эту компанию соискателей досрочной отставки и постарайтесь дать нам общую картину их служебной деятельности после Оберона.

— По-моему, — сказал Никольский, —

есть смысл включить в сводную схему Винезе и Мефа Аганна. Для контраста.

— Не возражаю. Купер, давайте всех семерых.

В голубом пространстве экрана возникло схематическое изображение Солнечной Системы. Схема напомнила Фрэнку большую мишень с оранжевым Солнцем-яблочком в центре. Встряхнув головой, чтобы избавиться от наваждения, он мысленно послал проклятие Веберу.

Из центра схемы одновременно, вспышкой, брызнули десять радиусов лучей, и «космическая мишень» стала стремительно покрываться узорной мозаикой разноцветных кружочков, словно попала под перекрестный огонь торопливых и неумелых стрелков, успешных «изрешетить» орбиты Юпитера и Сатурна прежде, чем им удалось наконец пристреляться к орбитам внутренних планет. Появились короткие надписи: названия кораблей, кодовые наименования рейдов и операций. Возникла целая система связующих линий — сплошных и пунктирных. Луны, базы, колонии, станции, даты... Фрэнк вознамерился было самостоятельно проследить служебный путь Дэвида, но пришлось отказаться — рябило в глазах.

— Вы удовлетворены этой схемой? — спросил Гэлбрайт Никольского.

— Э-э... в какой-то мере, — тактично ответил Никольский.

— А вы, Купер?

— Я?... — на лице оператора проступило некоторое замешательство. — Готов дать любые гарантии: все здесь на своих местах.

— Мы принимаем ваши гарантии, но свое загадочное произведение вам придется прокомментировать.

Купер помолчал, соображая. Гэлбрайт терпеливо ждал.

— После возвращения «Лунной радуги», — заговорил оператор, — для наших десантников начинается новый этап работы в пространстве. Чтобы облегчить обзор, я предлагаю принять за условный ноль отсчета времени момент катастрофы на Обероне... — Купер замолчал.

— Продолжайте, — Гэлбрайт кивнул. — И покороче, самую суть.

— Первый год: возвращение, отпуск, Земля. Все у них в норме, если, конечно, сбросить со счета последствия шока, пережитого на Обероне. Год второй. База «Герман Титов» на Луне: переподготовка, ожидание новых формирований и, наконец, служебные визы на выход в пространство. Симич, Йонге, Кизимов, Лорэ попадают в состав десантного отряда «Голубая пантера», который был создан для лунной системы Юпитера. Там начиналось строительство крупных стационарных баз, и десанникам...

— Это можно опустить, — доброжелательно позволил Гэлбрайт.

— Аганн и Нортон — желтые и синие элементы схемы — вошли в состав четвертой

экспедиции к Урану. Точнее, в состав «экспедиционной комиссии Юхансена» по расследованию оберонских катастроф. Корабль экспедиции — та же «Лунная радуга». Агани, как и прежде, — первый пилот корабля, Нортон — командир десантной группы. Благополучная высадка на Оберон, благополучный отлет и... первая просьба Нортон о досрочной отставке.

— Ах вот как! — оживился Гэлбрайт. — Первая ласточка все-таки из системы Урана!..

— Да, шеф, но пока УОКС переваривал эту пиллолу, из системы Юпитера одна за другой поступили аналогичные просьбы от Йонге и Симича, а месяц спустя — от Лорэ. Год третий...

— Виноват, — вежливо вставил Никольский. — Вы забыли Винеze.

— Верно, простите. Винеze — красные элементы на схеме — сразу попал на Меркурий в отряд специального патрулирования «Меркьюри рэйнджер». Там и работал до известного вам происшествия в Лабиринте Сомнений. Просьб о досрочной отставке не подавал. Год третий...

Купер давал пояснения сжато и быстро, при этом ярко вспыхивали соответствующие элементы: схемы — следить было удобно. Фрэнк следил, слушал и ждал, когда же дело дойдет до Нортон, и испытывал нетерпение, потому что дело до Нортон не доходило.

— Вернемся к Нортону, — перебил оператора шеф. — В ответ на первую просьбу УОКС переводит его... Куда его там переводят?

— В систему Сатурна.

— Так. И что изменилось?

— Ничего. Как и прежде, Нортон стремится выйти в отставку.

— Понятно... И Нортон переводят в систему Юпитера? Я правильно ориентируюсь на вашей живописной схеме?

— Да, шеф. Но и в системе Юпитера его преследует мысль об отставке. Не желая терять опытного специалиста, УОКС решается на третий перевод. Теперь уже на Меркурий.

— Именно там Нортон перестал терроризовать свою администрацию странными просьбами?

— Да. В итоге, к исходу пятого года...

— Спасибо, Купер, достаточно, — остановил его Гэлбрайт. Никольскому: — Занятная «география», не так ли?

— Весьма, — задумчиво ответил тот. — После событий на Обероне что-то мешает нашим десантникам нормально работать в зоне дальних планет...

— ...И настолько, что даже позор досрочной отставки не кажется им слишком дорогой ценой за избавление от этого «чего-то».

— Но, судя по всему, на внутренних планетах это «что-то» или ослабевает, или отсутствует вообще. Во всяком случае, после провала затеи с досрочной отставкой десантники облюбовали Венеру, Меркурий — в основном почему-то Меркурий — и успокоились.

— Я бы сказал — затаились. А насчет Меркурия, по-моему, ясно: традиционные трудности освоения этой, мягко выражаясь, знойной планеты, как правило, не позволяли УОКСу отвлекать в дальнее Внеземелье десантные силы меркурианских отрядов. Тем более — отряда «Меркью и рэйнджер». И в этом все дело.

Подчеркнутое шефом «затаились» вызывало у Фрэнка интуитивный протест. С какой стороны ни возьми, а понятие «затаился» решительно не вязалось с характером Нортон.

— Иными словами, — продолжал Гэлбрайт, — мы обнаружили весьма загадочную реакцию бывших десантников «Лунной радуги» на свое пребывание в зоне дальнего Внеземелья.

— Их реакция слишком напоминает испуг, — подытожил Купер.

— Сомнительно, — сказал Никольский. — Пугливый космодесантник, робкий сорви-голова, почти ежедневно рискующий жизнью...

Посоветавшись, Никольский и Гэлбрайт решили, что весь объем полезной информации по этим вопросам, пожалуй, исчерпан и наступила пора заняться самим Обероном.

— Итак, — сказал Гэлбрайт, отгваряясь в очередное путешествие вокруг стола, — мы имеем серьезные основания заподозрить плотную связь между предметом нашего следствия и системой Урана. Каков первый источник надежной информации об этом районе?

— Первыми были транзитные станции-автоматы серии «Пионер», — ответил Купер. — Основную программу беспилотной разведки Урана завершили кассетные станции типа «Радиант».

— Собранный материал дал хоть какой-нибудь повод для сомнений относительно безопасности этого района?

— Ни малейшего. Весь научно-исследовательский материал, как это положено, прошел досмотр в отделе Допуска нашего Управления и с интересующей нас точки зрения оказался чист.

— Превосходно. Переходите к этапу экспедиционных посягательств на Уран.

— «Громовая стрела», разведочный рейдер с экипажем в одиннадцать человек. Пропал без вести примерно на половине пути между орбитами Сатурна и Урана.

— Расценивать это как первый тревожный сигнал по вопросам нашего следствия? — обратил Гэлбрайт к Никольскому.

— Не имеем права, — возразил тот. — В делах разведки системы Урана «Громовая стрела» была только возможностью, но так и не успела стать инструментом. Она затерялась на дальних подступах к цели, и причина вряд ли была... э-э... слишком экстравагантной. В полете может случиться всякое. Взрыв реактора, например.

— Взрыв реактора... Ладно, возьмем на заметку. Но продолжайте, Купер.

— Год спустя стартовал к Урану малотоннажный рейдер «Леопард».

— Это другое дело, — пробормотал Никольский.

— Пять человек на борту, — продолжал Купер, — под предводительством Эллингхаузера. Среди космических асов того времени он широко был известен под прозвищем Пауль-везунчик. Экипаж прославился умением находить выход из самых отчаянных положений.

— Да, это был отборный экипаж... — Никольский покивал. — Все как один — многоопытные, хорошо подготовленные ребята.

— Несмотря на их многоопытность, «Леопард» пропал без вести так же загадочно, как и «Громовая стрела», — гнул свое Гэлбrait.

— Ну... не совсем так, — Никольский сделал жест несогласия. — «Леопард», во-первых, достиг цели. И без каких бы то ни было происшествий, заметьте. Эллингхаузер радировал победный рапорт, в котором, кстати сказать, кроме неумеренных восторгов по поводу прибытия в систему Урана, нет ничего достойного внимания. Однако главное в другом. Едва осмотревшись в системе, Эллингхаузер азартно бросился в погоню за ближайшим спутником. На этом его везение кончилось, потому что ближайшим оказался именно Оберон.

— Значит, вы предлагаете опираться на выводы комиссии Юхансена?

— Я предлагаю опираться на факты.

— Боюсь, как бы нам не пришлось опираться на их отсутствие, — мрачно заметил Гэлбrait, возвращаясь в кресло. — Купер, давайте припомним, как действовал Эллингхаузер.

Купер пожал плечами:

— Действовал правильно, шеф. Следуя типовым инструкциям лунной разведки, «подвесил» рейдер на круговой орбите, сбросил на Оберон несколько кибер-зондов и телемониторов. Положенное время вел трансляцию оберонских ландшафтов. У селенологов, принимавших трансляцию «Леопарда», большой интерес вызвала так называемая Ледовая Плешь. По словам самого Эллингхаузера, Оберон был похож на «арбуз с отрезанной верхушкой». На фоне очень неровной поверхности планетоида Ледовая Плешь выглядела удивительно плоской. Она имела около двухсот километров в диаметре, а в центре ее одиноко зиял глубокий кратер диаметром в тридцать один километр...

— Купер, кажется, мы вспоминаем действия Эллингхаузера.

— Осталось добавить немного. — перехватил инициативу Никольский. — Покончив с телетрансляцией, Эллингхаузер сообщил о своем намерении посадить рейдер на Ледовую Плешь в районе, разведанном кибер-зондами. На этом связь с «Леопардом» прекратилась, никаких сообщений больше не поступало. Двадцать суток спустя стартовала к Урану «Лунная радуга».

— Представляю себе изумление ее экипажа...

— Да, «Леопарда» не было на Обероне. Орбитальный осмотр планетоида ничего не прояснил. Радары и телефотеры «Лунной радуги» тщательно обшарили поверхность — все было так, как сообщал и показывал Эллингхаузер: Ледовая Плешь, воронка глубокого кратера. Но не было «Леопарда». Ни следов посадки его, ни обломков... Мнения членов командного состава совета «Лунной радуги» разделились: одни считали, что «Леопард» вообще не садился на планетоид, другие — что рейдер садился, однако ушел с Оберона, не оставив на месте посадки даже радиобакаена. Ведь никому и в голову придти не могло, что Оберон — западня...

— Это верно, — сказал Гэлбrait, — но только в отношении вылазки на Оберон десантников «Лунной радуги».

— Хотите сказать, это не верно в отношении «Леопарда»?

— Я говорю об отсутствии фактов. У нас нет прямых доказательств, что «Леопард» садился на Оберон. Мы знаем о намерении Эллингхаузера, но не более того.

— Наряду с методом прямых доказательств, Гэлбrait, существует и метод прямых аналогий. Гибель десантников Элдера...

— Простите, Никольский, я не оспариваю действительность этого метода.

— Значит, мне показалось.

— Вижу, мне следует объяснить. Комиссия Юхансена, усмотрев прямую аналогию между трагедией группы Элдера и судьбой «Леопарда», сочла свою работу законченной. Однако дело, заверенное на уровне аналогий, требует пересмотра. С чем я эту комиссию и поздравляю.

— Не разделяю вашей иронии, Гэлбrait. Свою задачу Юхансен выполнил.

— Да, если говорить о том, что он добросовестно выяснил, как срабатывал механизм оберонской западни. Будучи специалистом по лунным системам внешних планет, он понимал свою роль председателя комиссии по расследованию оберонских событий скорее как роль ученого. Другими словами, Юхансен-ученый возобладал над Юхансеном-следователем, и это в достаточной степени скверно сказалось на результатах работы комиссии в целом.

— С высоты теперешнего положения нам легче рассуждать о недостатках «работы комиссии в целом», — заметил Никольский.

— Разумеется. И я намерен это использовать. Собственно, все мои доводы можно свести к одному: коллективному мозгу комиссии не хватало воображения. Жрецы взвешательных наук подошли к странностям Оберона с неоправданно жесткими мерками.

На этот раз Никольский промолчал.

— Комиссия, — продолжал Гэлбrait, — столкнулась с космической неожиданностью самого экстравагантного свойства. При всем при том, в отчетах ее я не нашел ни единого факта, который мог бы служить хоть каким-то звеном между цепью событий на Обероне и цепочкой «черных следов» на Земле.

— Но кто бы мог теперь поручиться, что комиссия действительно имела возможность собрать больший объем фактического материала, чем тот, который представлен ему? Я, например, не взял бы на себя такую смелость.

— Тогда разрешите это сделать мне, — прозвучал в раут-холле великолепно поставленный баритон.

Фрэнк повертел головой. Голос подал старик — больше вроде бы некому, — но Фрэнк не сразу в это поверил. Похоже, оторопел от неожиданности и Никольский — покосился на старика, ничего не сказал, перевел взгляд на Гэлбрайта. С экранной стены лучилась любопытством физиономия Купера.

Старик слабо пошевелился, выложил на стол худые синеваго-мраморные кулаки.

— Я думаю, — сказал он, — Гэлбрайт увлекся и слишком строго судит работу комиссии. На разных этапах следствия — разные задачи, и, как вы справедливо отметили, — он посмотрел на Никольского, — Юхансен свою задачу выполнил. Дело за вами. Но что касается... э-э... неизбежных, пожалуй, в следственной практике упущений, я хотел бы упомянуть об «экранных диверсиях».

— Экранные диверсии?.. — переспросил Никольский.

— Молодой человек, могу одолжить вам свой слуховой аппарат.

«Нет, каков орешек!» — изумился Фрэнк, с удовольствием глядя на старика.

— Простите, — сказал Гэлбрайт Никольскому, — я еще не представил вам нашего консультанта. Чарльз Леонард Роган, профессор Института космической микробиологии, руководитель кафедры психоанализа, специалист по Внеземелью.

Никольский кивнул:

— Рад познакомиться.

— В свое время, — продолжал Гэлбрайт, — профессор помог нам вывести из тупика следствие по одному весьма запутанному делу...

— В свое время, — перебил Роган, — я настоятельно рекомендовал Управлению выяснить мотивы «экранных диверсий», участвовавших на кораблях и базах Внеземелья.

Гэлбрайт обеспокоенно поерзал в кресле.

— Купер, будьте любезны, запросите следственный архив...

— Не надо, — сказал Роган. — Следствия по этому делу не было. «Экранные диверсии» пошли на убыль, о моих рекомендациях благополучно забыли. И совершенно напрасно. — Роган извлек откуда-то плоский пакетик в глянцевого обложке, броском отправил его по полированной крышке стола в сторону Гэлбрайта.

Пакет скользнул мимо Фрэнка и, оказавшись у шефа в руках, распался на желтые прямоугольники. Шеф и Никольский углубились в изучение картотеки профессора.

— Гм... — смущенно произнес Никольский, обмениваясь карточками с Гэлбрайтом, — выходит, Юхансен знал об «экранных диверсиях».

— Знал, но вниманием не удостоил, — Гэлбрайт развернул карточки веером. — Я ожидал чего-нибудь в этом роде.

— Кстати, количественный пик «диверсий» совпадает с периодом просьб о досрочной отставке.

— Да. Лишнее свидетельство достоверности этого материала и...

— Молодой человек, — высокомерно перебил Гэлбрайта Роган, — в такого рода делах я убежденный педаант и привык тщательно взвешивать свои доводы.

Гэлбрайт и бровью не повел. Разложил карточки на столе, спросил:

— Откуда у вас эти сведения, профессор?

— А вам, собственно, зачем? — с прежним высокомерием осведомился Роган.

«И в цирк ходить не надо!» — наслаждаясь сценой, подумал Фрэнк.

— Затем, что наши отделы Внеземельного сектора такими сведениями не располагают, — мягко ответил Гэлбрайт. — Вам удалось самостоятельно обнаружить в космосе то, чего не смогла разглядеть у себя под носом специально подготовленная агентура. Мы просто обязаны использовать ваш опыт. И так?..

Старик было заерепенился, но Гэлбрайт умел настоять на своем, и делиться «опытом» Рогану все же пришлось. Фрэнк догадывался, о каких «диверсиях» идет речь, и следил за беседой с повышенным интересом.

Удачная самодеятельность старика, которую шеф соизволил отметить, объяснялась просто. Руководитель кафедры психоанализа Чарльз Леопольд Роган был плодовит. Плодотворными идеями, учениками, последователями. Изрядное количество его литомцев трудилось на внеземельных объектах, и большая половина этих трудящихся (как в силу редкостной специфики своей работы, так и по причине своего естественного благонравия) продолжала поддерживать с альма-матер довольно тесные контакты. Фрэнк по ходу дела прикинул, что профессор имеет в космосе едва ли не более разветвленную «агентурную сеть», чем оба филиала Управления космической безопасности вместе взятые. Не выходя из кабинета, старик ухитрялся быть в курсе многих событий напряженной жизни Внеземелья.

Впервые об «экранных диверсиях» Роган узнал от микробиологов системы Юпитер. Бывший аспирант профессора, некто Луис Нино де Ривера, поведал ему эпизод из собственной практики. Эпизод, представленный молодым микробиологом в виде забавного курьеза, таковым профессору не показался и, даже напротив, весьма неприятно его удивил и озабочил. Суть рассказанного де Риверой сводилась к следующему.

Однажды на имя Ответственного Распорядителя лунной системы Юпитера (база «Каллисто-Центр») от старшего администратора шестой луны (ЛЮ-6) поступил зашифрованный радиорапорт, из коего следовало, что на базе космодесантников «Голубая пантера» несколько часов назад имело место происше-

стве, «которое нельзя квалифицировать иначе, как необъяснимый случай иступленного умопомешательства». «Разобраться» и «объяснить» было поручено де Ривере. Медиколог быстро оснастил типовой медицинский бот соответствующим оборудованием и стартовал на шестую луну.

ЛЮ-6 — стодвадцатикилометровый обледенелый мирок, похожий на неровно обработанную круглотелую глыбу светло-серого мрамора с красновато-коричневыми прожилками. На светлом фоне база космодесантников виделась четким узором татуировки: два пунктирных прямоугольника, соединенные пунктирной дугой... Медицинскому боту своевременно дали «добро» на посадку, предупредительно «развернули» полиую карту сигнальных огней на территории космодрома, экипаж — медикалога и пилота — молчаливо, но вежливо встретили прямо у выхода из кесона. Никаких признаков «иступленного умопомешательства»... Очень живой и общительный по характеру де Ривера засыпал встречавших вопросами. В ответ пожимали плечами. Озадаченный медиколог, оказавшись с глазу на глаз со старшим администратором, потребовал объяснений. Администратор препроводил его в бункер, у входа в который сияла рубиновым светом запретная надпись: «Стоп! Комплект ДО-2», посторонился, кивнул на экраны. Это были роскошные сингулярно-хроматические экраны новейшего образца с необыкновенно высоким качеством цветоинтерпретации. Располагались они вдоль бункерных стен двумя поясами. Верхний пояс был цел. Нижний... Почти половина экранов нижнего пояса была варварски уничтожена. Из разбитых проемов, стеклянню блестя, свисали пучки оборванных световодов, на пультах и креслах темнели потеки оптической жидкости, под ногами хрустело хрупкое крошево... Били чем-то тяжелым, определил де Ривера и невольно одобрил диагноз, предложенный старшим администратором. У человека здорового рука не поднялась бы сделать такое... На вопрос де Ривера, кто чаще всех бывал в этом бункере, администратор, вздыхая и хмурясь, дал подробный, но мало что прояснивший ответ.

На всех без исключения базах космодесантных отрядов имеется дубль-комплект диспетчерского оборудования. Необходимость? Вряд ли... Скорее — инерция, наследие времен, когда надежность аппаратуры еще не достигала должного уровня. Мало-помалу дубль-бункер — этот технический рудимент — принял на себя роль обычного информатория, доступ в который открыт для всех. Что? Да, в любое время дня и ночи. Запретное «Стоп!» — тоже анахронизм, и давно уже никого ни к чему не обязывает. Поскольку дубль-комплект работает синхронно с аппаратурой диспетчерской рубки, свободные от вахты люди иногда заглядывают в бункер узнать подробности текущих дел или просто послушать местные новости. Ведь доступ в

основную рубку разрешен только членам командного совета базы. Конечно, большей популярностью пользуется главный информаторий-кафе, однако в напряженные часы десантных операций дубль-бункер бывает забит до отказа. И вот, извольте видеть... Администратор горестно повел рукой.

Медиколог, теряя терпение, прямо спросил, кого из людей администрация держит на подзрении.

— Вынужден вас огорчить, — был ответ, — на подозрении практически все.

— А вы подумайте, — настаивал де Ривера. — Ведь не имеем же мы права подвергать унижительной процедуре проверки весь коллектив базы.

— Верно. Такого права мы не имеем. Видите ли, я полагаю...

— Что именно вы полагали?

— ...Что специалисты вашего профиля владеют каким-нибудь методом... ну... без посредства этих... диагностических машин, шлемов, датчиков и присосок.

— Ах вот как!

— Да. Вы, конечно, не обижайтесь. Мне казалось, какой-нибудь хитроумно составленный текст, психологический трюк...

— Трюк?! — Медиколог медленно закипал. — Послушайте, уважаемый! Я не шатаю. Либо строго научный анализ на основе машинной — как это вам ни претит — диагностики, либо...

— Я понял, — печально ответил администратор. — Что ж... действуйте, как найдете нужным.

— Действовать я не могу, пока вы не представите мне заподозренного вами человека. Кто-то ведь должен быть у вас на примете. Ну хорошо, не один, пусть даже несколько — группа. Но не весь коллектив, разумеется! След горячий — экраны разрушены только вчера, и меня изумляет ваша беспомощность. Совершенно слепая администрация. И где — трудно поверить! — на базе космодесантников!

— Именно это и составляет сложность нашей работы. — Администратор вздохнул.

— Да, верно... Простите, я напрасно погорячился. Но, с другой стороны, ведь не приказ разрушил ваши экраны!

— В некотором смысле — призрак. Видите ли... Инструмент разрушения пойман, а сам разрушитель...

— Как вы сказали? — Медиколог взглянул в глаза собеседнику с эдаким профессиональным интересом. — Пойман инструмент?

— Да. Но вы не волнуйтесь, я объясню. Сам разрушитель экраны не бил. Он приказал это сделать киберу-уборщику ХАУМ-7-8 класса «Стизарт». Когда приказал — неизвестно. Может, вчера, а может, неделю назад... Память уборщиков-автоматов этого класса рассчитана для семидневного цикла работы.

— Что ж вы мне раньше... — У медикалога опустились руки. — Это меняет дело... Боюсь, я ничем не смогу вам помочь: мотивы

диверсионных актов — не по моей специальности. Да, да, и не смотрите на меня так. Обстоятельства дела наводят на мысль, что за всем этим, — де Ривера кивнул на разрушенные экраны, — скорее скрывается трезвый и точный расчет, чем ущербность рассудка.

Администратор безропотно выслушал мнение медиколога, и глаза у него были усталые и несчастные.

Для очистки совести де Ривера побеседовал с местным врачом. Тот признал, что истребление экранов — случай, конечно, ошеломляющий, но дал понять, что попытка администрации представить все это в «психопатологическом ракурсе» лично с его стороны не получит поддержки. Нет, он не осаривает правоту той или иной гипотезы для объяснения вчерашнего события, но гипотезу об «умопомешательстве» считает наименее удачной. «Диверсионная» гипотеза тоже не вызывает у него никакого сочувствия, поскольку заведомо отсутствует мотив диверсии.

— А если предположить, что мотив просто нам неизвестен? — спросил де Ривера.

— Тогда неизбежно придется признать гангстеризм в системе Юпитера, — ответил врач, разводя руками. — Но это ведь не серьезно — гангстерское гнездо на базе космодесантников!

— Резонно... — сказал медиколог. — Вынужден согласиться. Однако что вы предлагаете взамен?

— Я бы рискнул предложить третью гипотезу. И весь ее смысл заключен в одном-единственном слове: недоразумение. Расшифровка требуется?

— Да, будьте любезны.

— Так вот: никакого «умопомешательства» на базе не было, «диверсии» — тоже. Было недоразумение. Кибер-уборщик истолковал как приказ чью-то случайную фразу и выполнил то, о чем его, дурака, никто никогда не просил. Специалисты, правда, считают, что это выходит за рамки возможного. Дескать, логика автоматов класса «Стюард» принимает приказ только вместе с произнесенной формулой обращения. Но представьте себе ситуацию: по хозяйственной надобности кто-то сказал эту формулу, кто-то рядом стоящий его перебил, а кто-то проходивший мимо как-нибудь неудачно, к примеру, сострил... Впрочем, можно представить себе ситуацию и посложнее.

— Понимаю... Благодарю вас, коллега. Вы меня убедили...

Успокоенный де Ривера полюбопытствовал взглянуть на виновника переполоха. Ничего особенного: новая модель «Стюарда» — помесь механического осьминога с пылесосом и ручной пылесосом. Автомат, поблескивая бусинами глаз, послушно выполнил несколько команд администратора. Затем, уже по собственной инициативе, пустил струю какой-то жидкости медикологу на ботинки, повистел пылесосом, поворачивая шаровидными щетками.

Таковую же процедуру проделал с ботинками администратора. «Что это с ним?» — спросил де Ривера. «Замечает следы собственного преступления, — задумчиво глядя на ХАУМа, ответил администратор. — На ботинках мы притащили из бункера кварцолитовую пыль от разбитых экранов. Кстати, убрать «за собой» в бункере он не успел: как раз вчера завершился недельный цикл его работы и семидневная программа автоматически стерлась...»

Де Ривера выразил администратору сочувствие, подписал протокол посещения базы и стартовал восвояси.

— Я, — сказал в заключение Роган, — так подробно передал вам исповедь моего бывшего аспиранта не только потому, что это был самый живописный случай «экранной диверсии». Мне хотелось показать вам, во-первых, насколько изобретательно действовали «диверсанты» — кстати, «курьез» де Риверы насторожил меня именно этим — и, во-вторых, насколько обманчивы изящные на вид гипотезы.

— О, здесь мы решительно с вами согласны, профессор! — Гэлбrait кивнул. — В этом плане изящная версия сродни ложному обвинению: она тем опаснее, чем правдоподобнее выглядит.

— Встречаясь с медикологами Внземелья, — продолжал Роган, — я выяснил, что случаи безжалостного истребления экранов отнюдь не монополия системы Юпитера и даже не монополия баз. Очажки «экрано-ненавистничества» вспыхивали в самых разных местах от Меркурия до Урана, в том числе — на дальнорейсовых кораблях. Правда, не в такой эффектной форме, как на «Голубой пантере». Я не мог понять, почему «диверсии» тяготеют к совершенно определенной категории работников Внземелья, и передал свои материалы вашему Управлению.

— Н-да, проморгали... — с сожалением сказал Никольский. — Отличную возможность проморгали. Там, в пространстве, мы могли бы на вполне законных основаниях применить к «диверсантам» ответные меры...

— Боюсь, поводов для этого скоро у нас будет более чем достаточно, — мрачно предположил Гэлбrait. — Однако вернемся к вопросу о «диверсиях». Извините, профессор, мы перебили вас.

— Разве я еще не насытил вашу... э-э... несколько запоздалую любознательность? — ядовито осведомился Роган.

Гэлбrait дернул щекой и убрал руки с крышки стола на подлокотники кресла. Фрэнк следил за ним с любопытством и уважением: несмотря ни на что, лицо шефа являло образец хладнокровия. Образец, правда, слегка побелевший, но в скульптурном отношении безупречный. Верно говорят — школа!..

— Отправная точка нашего разговора — упущения в работе комиссии Юхансена, — деловито напомнил Гэлбrait. — В этой связи, пожалуй, нам будут полезны подробности

«экранных диверсий» на «Лунной радуге». Как вы считаете, профессор?

— Я считаю, вы напрасно меня агитируете. Уж если я пожертвовал для вас драгоценным лекторским временем, значит, дело того стоит... Мой интерес к «экранным диверсиям» был до такой степени обострен, что я не поленился подготовить соответствующую звукозапись. Карточка номер пять. И еще я считаю, что «экранные диверсии» — сущий пустяк по сравнению с другими данными... Впрочем, слушайте и делайте выводы сами...

Гэлбрайт, выбиравший в этот момент нужную карточку, замер и настороженно посмотрел на профессора.

— Перевод не потребуется, — предупредил Роган. — Легкий акцент, свойственный медикологу «Лунной радуги» Альбертасу Грижасу, не мешает вам понимать его речь и даже приятен на слух.

Фрэнк опустил карточку в щель лингвесора, и в холле послышался тихий шелест. Кулер, не меняя позы, повел рукой с небрежным изяществом утомленного музыканта — в столе мелодично звякнул контакт, и шелест исчез. Затем откуда-то сверху отчетливо:

— Одну минутку, Альбертас!.. Затронутая нами тема настолько выходит за рамки частной беседы, что... Короче говоря, вы не станете возражать, если мы сделаем фонокопию вашего рассказа? И не стесняйтесь мне возразить — не в моих правилах обременять приятных гостей хлопотливыми просьбами.

Фрэнк сразу узнал профессорский баритон и подивился мягкости и теплоте интонации. Похоже, этот колючий, как высохший кактус, старик умел бывать обаятельным собеседником.

— Помилуйте, профессор, какие могут быть возражения! — невнятно промямлил в ответ голос тенорового регистра.

Артикуляция у говорившего была, деликатно выражаясь, очень своеобразной. Но едва Фрэнк успел подумать, что Роган, определяя меру акцента, проявил излишнюю самоуверенность, холл заполнили посторонние звуки: шипение сифона, позвякивание посуды, и стало понятно, что беседа текла в застольных условиях и у гостя профессора рот полон пищи.

— А вы знаете, этот гибрид ананаса и манго весьма недурен!.. — теперь уже чисто, с действительно легким акцентом проворковал тенор, отменяя сомнения в том, что артикуляционные дефекты первой фразы прямо зависели от вкусовых достоинств десерта. — Признаться, профессор, ваш интерес к «экранным диверсиям» на «Лунной радуге» меня интригует. Кстати, откуда вы могли узнать?..

— Видите ли, друг мой... Борт «Лунной радуги» не единственное место происшествий подобного рода.

— Ах, даже так! Понимаю... С чего я должен начать?

— Вам виднее. Начинайте с начала. Одно пожелание: не скупитесь на подробности. Вы

превосходный рассказчик, и я всегда с удовольствием слушаю вас.

И каждый раз смущаете меня комплиментами. Ну что ж... Начинаю с начала...

Глава 5. ДЕТЕКТИВНАЯ ЛИХОРАДКА

В общем и целом рейс нашей четвертой экспедиции к Урану проходил в спокойной деловой обстановке. Команда рейдера, как это ей и положено, исправно несла корабельные вахты. Группа десантников, по настоянию Нортон, большую часть своего времени отводила спецзанятиям и тренировкам. Члены комиссии — семеро ученых во главе с Юхансеном — на бесконечных совещаниях вырабатывали тактику изучения оборонной загадки. При этом каждый из них тактично отстаивал свою позицию и доброжелательно, деликатно критиковал позицию оппонента... Я, как положено медикологу корабля, следил за самочувствием экипажа, регламентировал усердие десантников, чересчур увлекавшихся «перегрузочно-силовой» тренировкой, удерживал их от намерения сломать себе шею до прилета на Оберон. Ну что еще?.. Ах да, пожалуй, следует упомянуть о моем лингвистическом увлечении: в этом рейсе я прилежно осваивал хетто-лувийскую ветвь вымерших языков.

Все шло нормально, здоровье экипажа было отменным, языковые крепости сдавались мне одна за другой, цель экспедиции — система Урана — уже просматривалась даже на средних экранах салонного информатора. И увидев однажды в стройном ряду средних экранов малопривлекательную темную дыру, я, признаться, особого значения этому не придал... Ну, может быть, испытал мимолетное чувство досады по поводу чьей-то небрежности или неосторожности. Когда же неделю спустя я увидел разбитый дисплей, — экранное устройство, оснащенное компьютером, — которым я пользовался накануне, копируя текст лидийского манускрипта времен династии Гераклидов... Помню, недоумевал. Но это — детали.

Для ремонта пришлось вызвать инженера-хозяйственника: порядок есть порядок. Инженер-хозяйственник — он же механик по палубному... ну и прочим видам вакуум-оборудования нашего корабля — без интереса, мельком взглянул на изуродованный экран дисплея, но зато как-то очень внимательно посмотрел на меня. Мне даже стало не по себе... Припоминаю, в тот момент я невольно подумал, что прозвище Бак прилипло к этому человеку не без причины. Тяжелая, до глянцевого блеска выбритая голова с большим квадратной формы подбородком и приплюснутым носом... Я послешил заверить механика, что к повреждению экранов дисплея и салонного информатора не имею никакого отношения. Бритоголовый Бак молча вмонтировал новый экран, ушел. Я вздохнул и продолжил свои языковые упражнения. В этот день без особого, впрочем, успеха.

Но окончательно хетто-лувийскую ветвь, на которой я так уютно устроился, подрубило новое происшествие. Как-то зайдя в кухонный отсек, чтобы наполнить свой термос кофейным напит-

ком, я услышал гневное бормотание, а затем и увидел бритую голову Бака, менявшего экран системы аварийного оповещения. На подбородке механика красовалась нашлапка медицинского пластыря.

— Что, третий?.. — осторожно полюбопытствовал я, в ту минуту больше заинтригованный пластырем, нежели разбитым экраном.

Бак обернулся, и я чуть не выронил термос. Механик смотрел одним глазом. Правым. Левый просто не различался на фоне ярко-фиолетового сияния. Мне давно не приходилось видеть таких великолепных «фонарей», и я, растроганный почти до слез, твердо решил устроить своему первому пациенту королевский прием.

— Третий?! — прорычал Бак, продолжив работу. — А одиннадцатый не хочешь?! — И, пересылая речь самоцветами очень рискованных междометий, выразил мнение, что на обратный рейс запасных экранов не хватит.

— Пусть тогда глязют в иллюминаторы! — мстительно прошипел он и грозно добавил: — Поймаю — голову оторву!

Я, сразу заподозрив самую тесную связь между его последним возгласом и левосторонним украшением, сказал, что разделяю его справедливое негодование, и задал несколько наводящих вопросов. Бак не ответил.

Разумеется, я увлек пострадавшего к себе и привел его живописную физиономию в соответствие с современными представлениями о благообразии человеческого лица. Бак повертел голову перед зеркалом, остался доволен. Можно было начинать серьезный разговор. Я вынул заветный сосуд с красочной этикеткой и, будто это было самым обычным делом в космической практике, лихо поставил на медицинский стол. Выражение довольства на лице Бака сменилось вполне понятным смятением.

— Как у вас с аппетитом? — ханжески осведомился я.

— Хуже некуда, — ответил Бак, издали разглядывая этикетку. — Отбили мне аппетит... О, «Сибирская кедровая»! Редкая вещь в космическом рационе.

Со зрением, по крайней мере, у него было благополучно.

— Это — лекарство, — сказал я. — Присядьте. Как врач я разрешаю вам умеренную дозу. Для восстановления аппетита. А главное — для нервной разрядки, в которой вы, я вижу, сегодня нуждаетесь.

— За матушку медицину! — Бак опрокинул стаканчик, помотал головой, выдохнул: уф-ф! Сказал одобрительно: — З-забористая, доложу я вам, микстура!.. А насчет нервной разрядки — это вы точно... Нуждаюсь. Сегодня — особенно. Ушел ведь гад!..

— Как ушел?

— А вот так и ушел. Треснул меня снизу в чело и смылся.

— Кто?

— Да если б знать!.. Темно было, не разглядел.

— Где?

— А там же — в кухонном отсеке.

— Темнота в кухонном отсеке? Странно...

— Чего странного? Освещение он, стервец, вырубил, а экран разбил. Остались розовые цифры на часах — вот все, за что там было уцепиться глазу.

Беседа приняла доверительный оттенок, и Бак поведал мне подробности своих ночных похождения.

— Пошел это я перед сном на вечерний обход. Жилой сектор проверил — порядок. Побродил в секторе отдыха, никого не встретил. Даже в просмотровом зале фильмохранилища было пусто. Рейс серьезный, людям как-то не до веселья.

— Плохо. Постараюсь вмешаться, и вы мне в этом можете.

— Нет, — решительно отрезал он. — Не выйдет из меня затейник.

«Да, — подумал я. — Нельзя требовать хорошего настроения от человека, которого бьют снизу в челюсть».

— Ну так вот... — продолжал он, расценив мой сочувственный взгляд как позволение снова наполнить стаканчик, — вышел я к трамплину шахты пониженной гравитации и не знаю, спускаться туда или нет. Было поздно — около полуночи, и, откровенно говоря, обходить бытовые отсеки мне уж не хотелось. Да и не любитель я прыгать на эти гравитационные «подушки» — прямо цирк, честное слово. Или возраст уже не тот... Привык, знаете ли, к нормальным эскалаторам на режних кораблях... Но правило у меня такое с детства: если очень не хочется чего-то, надо взять себя в руки и сделать.

— Любопытное правило, — сказал я с некоторым беспокойством, видя, что уровень лечебной жидкости в сосуде пал ниже ранее намеченного. — Весьма любопытное...

— Что? — не понял моей интонации Бак.

— Нет, ничего. У вас, наверное, сильно развит волевой инстинкт. Прекрасное качество. — Я отодвинул «лекарство» подальше. — Значит, вам не хотелось спускаться, но поскольку вы с детства... гм... следовательно, спустились?

— Да. Спрыгнул. — Он задумался и долго молчал. Может быть, вспомнил свое детство. — На чем я остановился?

— Вы спрыгнули в шахту. Видимо, на мостик бытового яруса.

— Да, сдуло меня с «подушки» на мостик третьего яруса, и пошел я осматривать бытовые отсеки. Тоже безлюдно... Правда, в бане обнаружил трех парней, сменившихся с вечерней вахты. Сидят, голубчики, в чем мать родила и вдумчиво так играют за одной доской в трехсторонние шахматы. Позиция у них сложилась интересная, я постоял немного, понаблюдал. В это время кто-то заглянул в предбанник. Я спиной к двери стоял и не заметил — кто. А надо было... Когда повернулся — того и след простыл. Ну и я побрел себе дальше вдоль коридора. Тихо везде, порядок. Иду и кляню свой беспокойный характер: нормальные люди спят давно, а я вот шастаю по кораблю, как полудночное привидение... Только миновал кухонный отсек, вдруг отчетливо слышу: лопнуло что-то с хрустом, посыпалось!.. У меня сердце так и упало. Одиннадца-

тый, думаю, не иначе!.. Вижу, дверь отсека потихоньку съехала в сторону и тут же задвинулась — стало быть, заметил меня, стервец!.. Ах, думаю, чтоб тебе пусто было!.. Кровь мне в голову ударила, вскипел и я — опрометью к двери. Боялся: уйдет ведь через люк в холодильный отсек, а оттуда на склады и — поминай как звали.. Только он, должно быть, не знал дороги на склад и просто стоял рядом с дверью, прижавшись к стене. Бросился я, как дурак, в темноту, а он мне ногу подставил и дверь задвинуть успел. Это чтоб, значит, не выдать себя силуэтом. Рухнул я на пол, вскочил и, пока он раздумывал, что предпринять, попытался нашарить панель освещения. И что бы вы думали? Сцапал он меня сзади за воротник, да так ловко, будто видел! А темнотища — глаз выколи!.. Ну, схватились мы в обнимку. Я по-медвежьему было надел на него. Попался, думаю, голубчик!.. Так он, дьявол, сильный и гибкий, как леопард, сбросил меня и снова за воротник — толкает зачем-то к двери. Я даже опешил — за что боролись? Мне ведь только того и надо: вытащить его на свет в коридор!.. Хитрость этого молодца я потом раскусил, да поздно. Он правильно все рассчитал: видел по часам над дверью, что истекают последние секунды суток, и ждал сигналов точного времени.. И когда запищали сигналы, я в пылу борьбы как-то не сразу сообразил, что это полночь, ноль-ноль, и сейчас по всему кораблю, кроме жилого яруса и коридорных дорожек, вырубят поле искусственного тяготения. Короче говоря, на этом он меня и подловил: отсчитал, стервец, пять первых сигналов, а на последний, шестой, ка-ак саданет мне в челюсть!.. Спасибо, ровно в ноль-ноль тяготение сняли, иначе я бы затылком треснулся. И пока я медленно переворачивался в воздухе, он спокойно дверь приоткрыл — и был таков. Я даже его силуэта не видел. А если бы и увидел, то вряд ли узнал: в коридорах нижних ярусов после полуночи освещение вырубает, и только дорожки там светятся синим.. Ну, пришел я в себя, побарахтался в невесомости, кое-как выбрался в коридор на дорожку. На ноги вскочил, а куда бежать за ним, представления не имею.. — Бак тяжело вздохнул, насунился, почесал левую бровь.

— Бровь не трогать! — предупредил я поспешно. — Терпите! К вечеру заживет. Ловко он вам глаз подбил.

— Нет, фонарь мне уж потом подвесили.. Я туда-сюда по коридору пометался и вспомнил про тех парней. Ну, которые в бане. Думал, может, они заметили кого. Кинулся туда, да второпях из виду упустил, что в бане ведь тоже теперь невесомость... А они все так же сидят, вернее, висят у доски под потолочным светильником, сосредоточенно мыслят. Махровые простыни плавают в воздухе, словно ковры-самолеты, и шар горячей воды качается у потолка, паром исходит.. Вот и вышло, что, как соскочил я с дорожки предбанника в невесомость, так по инерции со всего маху в голую компанию и влетел на манер пушечного ядра. Да еще по пути головой в простыню попал, запутался. Компания, конечно, вверх тормашками — крики, ругань, переполох!

Вдобавок мы всей кучей на шар проклятый наткнулись, нас немного ошпарило, и в суматохе мне в глаз кто-то пяткой так звезданул, что у меня дыхание перехватило.. Барахтаюсь под мокрой простыней, вода в рот лезет — захлебнуться недолго, кричу-булькаю: помогите!.. Парни меня распутывают, смеются: получили, дескать, срочную бандероль без обратного адреса. Любопытно им, что внутри. Меня увидели, ахнули: братцы, да это же Бак! Откуда ты к нам, оред, залетел?! С таким фонарем заблудился!.. Цыц, говорю, черт! Я к вам по делу.. Видим, говорят, что по делу, да боимся гадать — по какому! И пошло у них веселее — едва от смеха не лопаются. Спрашиваю: кроме вас, был здесь кто-нибудь или нет? Ну был, отвечают. Незадолго до невесомости. Постоял, посмотрел, ушел. Кто был — мы и внимания не обратили. А что?.. И сразу они как-то странно примолкли, переглянулись. Да так, говорю, ничего. Никого другого, значит, не видели?.. Пожали они голыми плечами. На том и расстались..

Бак поднял было руку бровь почесать, но вспомнил мой запрет и почесал за ухом.

— Занятная история, — сказал я. — А вы уверены, что все одиннадцать экранов на совести этого.. гм.. стервеца?

— Десять, — сказал Бек. — Один экран холодовой рубки на совести первого пилота Мефа Аганна, о чем есть запись в вахтенном журнале. Но это, конечно, не в счет.

— А вы проверили..

— Да, — понял Бак с полуслова. — Вчера Аганн заступил на вахту с двадцати трех ноль-ноль. И, пожалуй, он ниже ростом, чем тот.. И на вид не так силен.

— Послушайте, Феликс (настоящее имя механика). вы давно летаете дальними рейсами?

— Девятнадцать лет. На Уран, правда, иду впервые. Чаще всего ходил на Юпитер.

— Солидный опыт! И сколько экранов обычно..

— По-разному бывает, — снова опередил меня Бак. — Смотря какой рейс. Бывает — много, бывает — мало. Но ведь дело не в этом. Ведь портят экраны без умысла — мало ли что может случиться, никто ничего не скрывает. Аганн, к примеру, не скрыл. А этот злодей.. Ненормальный он, что ли?..

— Нет, Феликс, это исключено.

— Значит — с умыслом? Гангстер, значит? Бандит?

— И-да, загадочно.. Вы докладывали об этом капитану или начальнику рейда?

— После восьмого экрана не выдержал и пошел. Кэп меня принял за утренним чаем. Я ему про экраны, а он мне про шестой трюм. Почему, говорит, вакуум-гифы плохо действуют? Откуда на пандусе лед? Зачем.. Ну и так далее. Я от расстройства в чай себе соли насыпал. В общем, поговорили..

— Ясно. А к начальнику рейда?

— Он мне не начальник.

— Понятно.. Ну что ж, Феликс, если вы не ошибаетесь и у нас на корабле действительно завелся.. гм.. «экранный диверсант», то мало на-

дежды, что на этом он остановится. Давайте наблюдаем вместе и попытаемся разобраться, что к чему. Я, со своей стороны, обещаю вам всяческое содействие. В случае новых эксцессов переговоры с начальником рейда беру на себя.

— Годится, — одобрил Бак, и мы скрепили свой договор пыльным рукопожатием.

Я не знал, что с этого момента обрекаю себя на затяжную болезнь, известную под названием «детективная лихорадка». Моя жизнь превратилась в кошмар, а мой кабинет — в конспиративную квартиру. Я начисто утратил интерес к тому, о чем повествовалось в древних манускриптах, но с огромным пристрастием вникал в мелочи быта современного рейдера. Загадка «экранных диверсий» не давала мне покоя ни ночью, ни днем. Я освоил игру в трехсторонние шахматы и массу спортивных снарядов для тренировки десантников, чем заслужил у последних прочную благосклонность и прозвище Молоток. Я научился забывать «козла», обороняться без оружия, держать пари, лихо рассказывать анекдоты и многому другому, о чем раньше имел слабое представление, но без чего стать «своим парнем» практически невозможно. Это была хорошая школа, но этого мне казалось мало. Я не жалел труда, чтобы повысить уровень моих технических познаний: изучал принцип работы экранных устройств, штудировал схемы их расположения в помещениях корабля, детально знакомился с планировкой ярусов и отсеков. Мы с Баком старались держать под контролем наибольшее количество участков, потенциально «удобных», по моему мнению, для «диверсанта». Бывало, поздними вечерами я по собственной инициативе нес «патрульную службу» — бродил, как лунатик, по коридорам, проверяя отсеки, заговаривал с любым прохожим, пытаясь на основе чистой психологии проникнуть в «истинную» суть его намерений. К счастью, поздних прохожих было очень немного, и чаще всего я видел второго лунатика-детектива. Из конспиративных соображений мы спешили молча разойтись, не позволяя себе ни единого лишнего жеста...

Зато у меня в кабинете мы могли беседовать сколько угодно. И хотя разговор по существу нашего общего дела мог быть практически ограничен вопросом «Что нового?» и лаконичным ответом «Пока ничего...», мои беседы с механиком (точнее — его беседы со мной) приобретали день ото дня все более затяжной характер. К свершенному моему изумлению, Бак оказался очень словоохотливым человеком. И если раньше, с целью развязать ему язык, я готов был пожертвовать драгоценным запасом «Сибирской кедровой», то теперь иногда сожалел, что не имею столь же безвредных для желудка механика средств против болтливости. Вероятно, ему представился редкостный случай взять реванш за долгие годы молчаливого существования, и он упустить этот случай не стал. Он рассказал всю свою биографию, начиная с младенческих лет, и с таким откровенным чистосердечием возложил на меня роль арбитра его незатейливых переживаний, что я не нашел возможным этому воспротивиться — сан медиколога не позволял. Но, с другой сторо-

ны, он между делом поведал мне множество любопытных историй, басен, притч и легенд явно «космического производства». То есть, я, нежданно для себя, обнаружил новую разновидность устного творчества, о чем не замедлил оповестить специалистов-филологов в своей статье «Интернациональный фольклор Вnezемелья». Но это к слову...

Что же касается главного результата «конспиративных» бесед, то особенно хвастать здесь было нечем. Правда, мы с Баком в достаточной степени определенно установили следующее. Во-первых: самое удобное время для уничтожения экранов — поздний вечер, примерно с двадцати трех часов условных корабельных суток, и до полуночи. После полуночи за целостность экранов можно было не беспокоиться: Бак заметил, что брызги оптической жидкости, вытекшей из оборванных световодов всех разбитых экранов, не разлетались далеко, а это было бы невозможно, если разрушить экран в условиях невесомости. Во-вторых, «диверсант» производил впечатление аккуратного человека: после «диверсионного акта» он никогда не забывал открыть амбразуру санитарного шлюза и выпустить «крыс» — так называют у нас на борту малогабаритную модель автомата-уборщика, запрограммированную на поддержание чистоты в небольших помещениях. Забота «злодея» о чистоте казалась мне неестественной и поэтому необычайно трогательной. И еще — это в-третьих — мне казалось, что в схватке с механиком «злодей» проявил не совсем понятную деликатность... Я попросил Бака припомнить все подробности его борьбы с неизвестным, потом запер дверь, и мы с ним, сцепившись посреди кабинета, очень тщательно, шаг за шагом, эпизод за эпизодом, воспроизвели «рисунок» сражения на себе. Мои подозрения подтвердились. В схватке с механиком неизвестный не применил ни одного мало-мальски опасного болевого приема, за исключением финального изумительно точного удара в челюсть. Медвежью силой Бак он нейтрализовал умело, и, я бы даже сказал элегантно. Когда я понял всю сложность понадобившихся для этого приемов и скорость необходимой реакции, я вдруг отчетливо ощутил, что имел в виду Бак, признавая способность своего противника ориентироваться в темноте — «будто видел». Действительно, какой сверхчуткой маневренностью надо обладать, чтобы вот так уверенно — в темноте! — «водить» за воротник осатавшегося от ярости механика, держать на расстоянии, то и дело «гасить» или парировать его отчаянные выпады, не причиняя при этом ему никакого вреда!.. Ведь главная задача «диверсанта» — сохранение инкогнито — должна была по логике вещей толкнуть его на быстрые и весьма радикальные меры под неприглядным девизом: «Спасайся любой ценой!» Пользуясь темнотой и своим преимуществом в скорости, он мог свободно расправиться с Баком... ну скажем, одним из варварских приемов каратэ — очень быстро и очень надежно. Однако он медлил: следил за часами и ждал невесомости. Ударил не раньше шестого сигнала, «убивая» тем самым сразу двух зайцев: избавил беднягу от излишнего травма-

тизма, а себя от разъяренного преследователя, и пока тот барахтался в мягких, но цепких объятиях невесомости, был таков. Да, Бак отделился «малой кровью». Почему? Здесь было над чем поразмыслить... Либо неизвестный проявил странную для диверсанта гуманность, либо в рискованной для себя ситуации (если учесть физическую силу Бака) действовал с удивительным хладнокровием, ни на секунду не упуская из виду того обстоятельства, что «одураченный Бак» — это далеко не то же самое, что «искаленный механик». Разная, так сказать, вероятность огласки... Но как бы там ни было, я почувствовал, что мы имеем дело с личностью незаурядной. В этом смысле круг поисков несколько сузился. Правда, не намного, потому что из шестидесяти девяти человек на борту нашего рейдера по крайней мере половину я мог бы представить себе в рамках моих впечатлений о таинственном незнакомце... Вот, в основном, и все, чем были полезны «конспиративные» встречи.

После стычки с механиком, «диверсант» на время притих. Мы с Баком несли «патрульную службу», прислушивались, наблюдали. Не обошлось без курьезов. Однажды Бак, проходя мимо злополучной кухни, услышал «характерный» шум и, долго не раздумывая, кинулся на спину находившегося там человека. Об этом механик рассказывал мне, опустив кое-какие подробности, но краснота и припухлость его левого уха восполняли опущенное.

— Заскочил я, значит, туда, а он встал на карачки и норовит за корпус моечной машины. Я моментально цап его и — грудью к полу. Ну... он лбом об пол немного и стукнулся... Потом увидел меня и начал ругаться нехорошими словами. Прямо взбесился парень, честное слово!.. Я на экран глаза перевел и обмяк. Мне бы сразу взглянуть... Цел экран и нормально работает. А шум, который я слышал, был... ну, в общем, совсем другого происхождения: этот парень — Боря Морковкин из группы двигателей — на вахту спешил и в спешке термос свой уронил, чайные ложки рассыпал. Только и всего... Прости, говорю, Боря, промашка вышла. А ложки я за тебя сам соберу... Запустил он руку в тесто-мешалку, вынул металлическую лопасть. Который, спрашивает, знак зодиака осенял чудесное мгновение твоего Рождения? Рак, отвечаю, осенял. Удивился он: надо же, говорит, какая точная рифма!.. Лопасть к шишке на лбу приложил, нехорошо усмехнулся. Так с лопастью на вахту и ушел...

Бак с огорчением развел руками. Мне тоже оставалось усмехнуться, но я постарался, чтобы это выглядело хорошо и не очень заметно.

Говоря между нами, усмехался я зря. Дня через два я был сурово за это наказан на верхнем ярусе рейдера. За какой-то надобностью мне нужно было в кабинет органической химии... Впрочем, все по порядку.

Верхний ярус был самым слабым местом нашей с Баком гипотезы о гангстере-диверсанта. Ведь именно там сосредоточены контрольно-координационные системы корабля, отделы научно-исследовательского профиля, секторы связи, ин-

формации и почти вся оргтехника административного назначения. Почему же тогда из десяти диверсий две произошли на жилом ярусе, остальные — на бытовом и ни одной — на верхнем?.. Испортить экраны жизненно важных узлов корабля — такая задача для гангстера-диверсанта имела бы некий практический смысл. Но крушить экраны бытовых отсеков, салонов стыда, библиотек!.. Во всем этом было что-то чрезвычайно странное и совершенно загадочное...

Итак, поднялся я на верхний ярус, а было это после рабочего дня. Вышел к шахте пониженной гравитации... Что? Не совсем понятно? Ну хорошо, буду объяснять по ходу дела. Широкие вертикальные шахты — или, как их у нас еще называют, атриумы — на современных рейдерах служат для межэтажного сообщения вместо лифтов и эскалаторов. Кстати, очень удобно и быстро: прыгай вниз — вот и вся «транспортировка». Искусственное тяготение в атриумах составляет едва половину нормального, к тому же, на разных уровнях автоматически срабатывает упругий воздушный поток, и все это вместе называется гравитационной «подушкой». Для прыжков снизу вверх используют воздушные катапульты. Разумеется, надо знать, с какой ступеньки трамплина и в каком направлении прыгать, но освоить это несложно: небольшая практика — и начинаешь прыгать с яруса на ярус, как заправский кенгуру. В противоположность Баку, я ничего не имею против подобных способов передвижения и тоски по лифтам и движущимся тротуарам никогда не испытывал...

Ну, в общем, запрыгнул я на верхний ярус, побрел вдоль безлюдного коридора. После рабочего дня здесь трудно кого-нибудь встретить: на весь ярус четверо вахтенных дежурных, причем двое из них — женщины (в рубке дальней связи и в зале информации). Экранов великое множество. Идеальные условия для диверсанта. И почему-то ни одной диверсии...

Поравнявшись с приоткрытой дверью координационно-интеграторного зала, я заглянул в щель. Длинные ряды приборных стендов, однообразие серебристых панелей, усыянных матово-белыми ромбами, и тоже длинные и непривычные для глаз лимонно-желтые экраны с вереницами пропьюльвающих в них красно-коричневых и ядовито-зеленых парабол. За маленьким пультом, ячеистая форма которого мне странно напоминала архитектурный макет какой-то приморской гостиницы, отбивал вечернюю вахту инженер-координатор Клим Рукосуев. Сидел он к пульту вполоборота, комфортабельно развалившись в кресле, нога на ногу, держал в руках потрепанную книгу и беззвучно смеялся — это было заметно по его вздрагивающим плечам.

Я любил заглядывать в этот зал, но, к сожалению, Клим терпеть не мог посторонних. Мне нравилось смотреть на длинные экраны: цепочки льющихся парабол создавали иллюзию, будто корабль мчится в лимонно-желтом пространстве, а мимо проносится нескончаемая стая перелетных птиц. Иногда здесь звучали мелодичные гудки сигналов, экраны покрывались рябью стремительно бегущих синусоид, вдоль панелей проходила

волна световых вспышек в сопровождении приглушенных звонков, что-то забавно щелкало и трекотало... «Мне, — сказал я однажды Климу, пытаясь завязать с ним беседу, — хорошо понятна роль многих систем корабля. Скажем, командная и ходовая рубки — это своего рода мозг, реaktor — сердце... ну и так далее. А какие функции выполняет ваше хозяйство?» — «Функция мозжечка, — рассеянно ответил Клим. — Или, скажем, гипоталамуса. А функции кишечника нашего рейдера выполняет...» Он был явно в плохом настроении, и я поспешил откланяться.

Сегодня его настроение, судя по всему, имело другую окраску, но окликнуть координатора я все равно не решился, тихо задвинул дверь и пошел дальше.

Ирония Рукосуева была, конечно, не слишком уместна, однако сравнение с гипоталамусом показалось мне содержательным. Во-первых, гипоталамус — одна из важнейших частей головного мозга. И если принять во внимание, что именно эта часть мозга ответственна за приспособление отдельных функций к целостной деятельности всего организма, то смысл работы координаторов перестал быть для меня загадкой.

Да, факт сам по себе знаменательный: медико-логи начинают понимать «технарей», а «технари», в свою очередь, вполне осмысленно оперируют глубоко физиологическими понятиями. И ведь как уверенно разбираются в особенностях взаимодействия основных частей живого организма! Случайность? Вряд ли. Досуемая любознательность? Непохоже. Скорее — целенаправленный интерес. Но с какой стати?.. Уж не потому ли, что чем сложнее и, главное, автономнее техническая система (возьмем, к примеру, наш рейдер), тем больше имеет она аналогий с живым организмом?.. Нет, я не говорю о намеренном моделировании, которым специально занимается бионика. Я говорю о результатах современной техноэволюции, когда мы с изумлением вдруг обнаруживаем поразительную схожесть схем координирования жизнедеятельности организма, с одной стороны, и рабочих процессов автономно действующей техносистемы — с другой... Впрочем, это область философии.

За размышлениями я не заметил, как прошел мимо нужного мне кабинета и оказался в уютном салоне, в котором обычно устраивал свои совещания командный совет корабля. Никого здесь не было. Кресла, стол, секретеры были завалены грудями документов. Посреди стола в окружении бутылок из-под прохладительных напитков красовалась блестящая ваза для фруктов, доверху заполненная мятыми салфетками. На многоцветных экранах — схемы, графики, математические выкладки вперемежку с россыпями формул и пояснительных слов. Судя по количеству вопросительных и восклицательных знаков, здесь кто-то в чем-то не соглашался. Насколько я понял, речь шла об асимметрии гравитационного поля Оберона.

Совещание командного совета корабля — явление довольно редкое, поэтому в салоне практически безраздельно хозяйничала комиссия Юхансена. Это была ее штаб-квартира, где изо дня в

день вот уже четвертый месяц тянулись бесконечные дебаты. Рабочий день комиссии был распisan по часам и минутам. Строгий регламент, перерывы на отдых, сон и еду. Дисциплинированность ученых меня изумляла. Эти ребята — здоровые, крепкие парни — охотно занимались спортом и с удивительным прилежанием выполняли все мои предписания. Не помню случая, чтобы кто-нибудь из них уклонился от лечебно-профилактической процедуры или принял бы за обедом большее количество пищевых калорий, чем было рекомендовано. Я не мог избавиться от подозрения, что в такой же степени педантично они «принимали» необходимое количество «калорий искусства» во время... или, точнее будет сказать, «в процессе» вечернего отдыха. Всегда спокойный и глубокий сон, бодрое настроение, в меру живая общительность. Они скорее напоминали мне спортсменов, всецело озабоченных состоянием своего тела перед ответственными соревнованиями. Зная в деталях однообразно-жесткий распорядок их дня, я не мог понять одного: когда они думают? Неужели они ухитрялись «производить» и выкладывать всю свою мозговую продукцию в рамках салонных дискуссий?..

Но как бы там ни было, результат дневной работы налицо, а комиссия, вероятно, в полном составе респектабельно ужинает в кают-компани жилого яруса. Приятного аппетита... Я смотрел на экраны и думал, что настоящему гангстеру-диверсанту, оказавшись таковой у нас на борту, ничего бы не стоило испортить аппетит целому коллективу. Вот хотя бы с помощью этой увесистой вазы... И тут я с особенной ясностью ощутил, что то, с чем столкнулись мы с Баком... Ну, словом, никакие это не диверсии. Такая мысль уже приходила мне в голову, не давала покоя.

Я опустил в ближайшее кресло, машинально выбрав чистый бокал и налил минеральной воды. Все это время, днем и ночью, я ломал себе голову над измышлением самых разнообразных причин, вследствие которых нормальный член нашего экипажа — не гангстер, не диверсант — мог бы иметь хоть какой-нибудь повод разбить экран. Расколоть, истребить, ликвидировать, уничтожить... Бесстрашно балансируя на грани допустимого и совершенно абсурдного, я перебирал догадку за догадкой, как правоверный мусульманин четки, и ни одна из них не показалась мне достаточно логичной. Пока мысль не ухидила далеко за рамки вопроса «Кто?» — все было таинственно и интересно. Догадки сменяли одна другую. Но ни одна не могла выдержать столкновения с монолитом вопроса «Зачем?..»

Однажды, помню, я слишком доверился воображению и несколько дней всерьез — всерьез! — обдумывал вероятность такой ситуации: допустим, у нас на борту возникла секта азартных игроков. Ну, скажем, секта картежников с определенным «уставом» в духе какого-нибудь идиотского «кодекса чести» игроков прошлого. Теперь допустим, что проигравший обязан (согласно «уставу») укокошить экран... Разумеется, я созинавал всю крайность этого, стыдно сказать, допущения. Если бы речь шла о каком-то паршивеньком грузавчике или танкере на линиях ближ-

него Виземелья. Но что делать, если подобная дикость хорошо объясняла известные нам с Баком попутные факты. Или, по крайней мере, не противоречила ни одному из них, а самое главное — пробивала солидную брешь в монолите вопроса «Зачем?». Это предположение так меня увлекло, что я рискнул потратить какое-то время на розыски тайной компании азартных игроков. Путь розыска мог быть только один: самому принимать участие в любых играх и постепенно прощупать скрытые пружины игрового азарта. И что бы вы думали? Обнаружить такую компанию мне удалось. Ядро ее состояло из пятерых десантников — блестящий игровой квинтет, великоленные мастера «своего дела». Семеро других десантников появлялись в компании эпизодически. Играли действительно в карты, действительно тайно, запершись в одной из кают, и действительно «на интерес». Игра имела разновидность традиционного карточного «дурака». После восьми кругов розыгрыша подсчитывали очки и проигравшему устраивали экзекуцию — шлепали картами по носу. Хохотали до слез, до полного изнеможения.

Итак, поскольку до моего прихода общее количество «мельников» было двенадцать, чертову дюжину замыкал я, Молоток. В компании «мельников» не называли имен, обращались друг к другу только по прозвищам: Корсет, Мазстро, Уксус, Весло, Бегемот... ну и так далее. Это придавало игре особую пикантность. Сначала партнеры церемонились со мной — должно быть, стеснялись. Я, хорошо понимая психологический стимул игры, потребовал равноправия, и для самой выдающейся части моего лица наступили тяжкие времена... Я никогда не выигрывал (иначе пришлось бы «обрабатывать» носы партнеров способом, не имеющим ничего общего с врачебной этикой), однако старался и не проигрывать. Постепенно я научился сводить игру для себя к ничейному результату. К сожалению, это мне не всегда удавалось. И однажды, после крупного проигрыша, разглядывая в зеркале свой малоприспособленный для такой развеселой игры обонятельный орган, я решил, что с меня довольно. Подозрение не подтвердилось, к «экраным диверсиям» артель веселящихся «мельников» никакого отношения не имела. Вопрос «Зачем?» вновь обретал монолитную твердость...

Я допил минеральную воду, вспомнил, что меня привело на верхний ярус, и покинул салон.

Зайдя в кабинет органической химии, я раскочерил сейф, выбрал нужные мне реактивы. Здесь было очень светло, все отсвечивало слепящей белизной и холодно сверкало острым блеском. Неуютное ощущение: будто зашел по ошибке в безлюдный операционный зал... У выхода я по привычке обернулся — все ли в порядке? — и заметил, что квадратная крышка основного хранилища реактивов сдвинута в сторону. Чтобы закрыть ее, мне пришлось пересечь кабинет почти по диагонали, и я оказался рядом с внутренней дверью, которая вела в соседнее помещение — лабораторию физической химии. Я уже тронул холодную рукоятку крышки хранилища, как вдруг моих ушей достиг неясный шум — похоже, в лаборатории кто-то вскрикнул и что-то разбилось.

Я замер. Оставил крышку в покое, выпрямился и посмотрел на дверь. Словно надеялся проникнуть взглядом сквозь лист металла, покрытый белой эмалью. Пульс у меня, наверно, резко подпрыгнул — я слышал удары собственного сердца. Мысль работала с лихорадочной быстротой, но я совершенно не знал, что нужно делать. В голове вертелись дурацкие фразы из какого-то фильма: «Стой! Руки вверх! Лицом к стене — и не двигаться, иначе стреляю!» В руках у меня не было ничего, кроме фармацевтического пакета. Я машинально положил пакет на стол, выключил освещение и в полном мраке вернулся к двери. Нашарил продолговатую ручку, осторожно потянул в сторону...

Щелкнул фиксатор дверного замка, образовалась щель, но я ничего не увидел: в лаборатории тоже царила кромешная тьма. Скверный признак... В противоположном конце лаборатории была вторая дверь, ведущая в кабинет неорганической химии, так что диверсанта здесь, пожалуй, не поймаешь... Я мысленно «поздравил» Бака с двенадцатым ремонтом, а себя — с первым случаем диверсии на верхнем ярусе и, вытирая руку вперед, сделал два шага в темноту. Рука уперлась в цилиндрический корпус нейтринного микроскопа, дверь тихо прошелестела, закрываясь за мной, снова щелкнул фиксатор замка.

— Кто там? — резко спросил чей-то сплывающий баритон.

Я оторопел от неожиданности. Баритон показался мне очень знакомым, но в этот момент я был растерян и плохо соображал. Вспыхнул карманный фонарь. Я стоял в тени, прильнув к широкой колонне трубы микроскопа. Мне пришлось в голову, что диверсант, вероятно, вооружен... Круг яркого света выхватил из темноты половину двери, едва успевшей затвориться за моей спиной, вильнул в сторону, погас.

— С чего ты взял, что там кто-нибудь есть? — внезапно прозвучал молодой насмешливый голос.

Ноги мои сделались ватными, и я вынужден был присесть на выступающий край основания тубуса.

— Слух у меня хороший, вот с чего... — не совсем уверенно ответил баритон, и я едва не сполз в изнеможении на пол.

Я узнал обоих! Да и как не узнать своих недавних партнеров, которые шлифовали мой нос до зеркального блеска. Но что понадобилось Бегемоту и Уксусу в физико-химической лаборатории? Да еще в кромешной тьме?! Я подтянул ноги, собираясь подняться и выйти из-за укрытия, однако нервно брызнул свет фонаря — опять в мою сторону, и это меня удержало на месте. Теперь, когда я упустил момент ответить на оклик, быть замеченным мне уже расхотелось.

Фонарь погас. Баритон Бегемота:

— А может, и показалось... Вроде бы фиксатор щелкнул.

Голос Уксуса:

— Ерунда. Мы бы увидели свет из двери.

— Освещение вырубить можно, — резонно заметил Бегемот.

— Ну и что? Тебе-то какое до этого дело?

Было слышно, как скрипнул амортизатор табурета. Они сидели на лабораторных табуретах. Что-то тихо там шелестело и булькало, и я, наконец, понял, что это работает смесительная камера активатора.

— Ничего ты не понимаешь, — сказал Бегемот. — Бродят тут всякие... Вечерами.

— Привидения? — насмешливо добавил Уксус и рассмеялся, а мне подумалось: уж не нас ли с Баком они имеют в виду?..

Уксус лениво и весело произнес:

— Слышал я эту историю, как же... Сказочка для десантников среднего возраста.

— Слышал звон, — солидно ответил Бегемот.

— Вот именно. Ян-Весло потрепаться любит. Вот и пустил нам звон про чужака на борту. Мы уши развесили, хлеборезки раскрыли и слушаем, а он потом над нами же и посмеется.

— Ян здесь ни при чем, — возразил Бегемот. — Чужака Рэнд видел. А Рэнду я верю...

— А я не верю! Если он что-то такое спронея увидел, то почему я должен верить? Нет, мой хороший, дудки! Чужака встретил? Возьми его за рукав, приведи ко мне, покажи — тогда поверю. Верно я говорю?

— Пустозвон ты, Уксус... Тебя еще на горшок садиться учили, когда мы с Рэндом венериянские скалы задницами шлифовали. Понял? То-то. Ведь как это все произошло? Пришел Рэнд в просмотровый зал уставший, ну и, конечно, задремал. Проснулся, а фильм-то закончился, в зале никого нет. Встал он и побрел в свою каюту. Только миновал среднюю шахту — видит, кто-то по коридору навстречу идет. Да быстро так, почти бежит... Ну, Рэнд вежливо посторонился, чтоб, значит, дорогу человеку дать, смотрит на этого торопыгу, а узнать не может — совершенно незнакомое лицо!.. Прошагал этот тип мимо Рэнда чуть не вплотную, нахально так локтем, не глядя, его оттолкнул, с ходу в шахту прыгнул. А ты говоришь — привидение...

— Да, Ян примерно так и рассказывал. И что же Рэнд?

— Ну что Рэнд!.. Постоял, похлопал глазами... и спокойно отправился спать! — торжествующе заключил Уксус. — Час поздний, решил с нахалом не связываться! Ой, не могу!

— А что ему оставалось делать?

— Как что?! Догнать, задержать, побеседовать! Откуда ты, дескать, хороший такой, на рейдере взялся?! Тоже мне, называется «дикая кошка»!.. Слон инкубаторский этот твой Рэнд, и, кроме подушки, ему ничего не интересно.

— Ка-ак врежу сейчас промеж глаз, так и слетишь с табурета!.. — силно пообещал Бегемот. — Я тебя уважаю, но ты Рэнда не трогай! Понял?!

Я внутренне напрягся в ожидании вспышки, готовый к тому, чтоб сразу вмешаться.

СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ

На тяжелом марше
и в смутный час,
товарищи старшие,
как мне без вас!..
Пушки не грохочут,
пулемет не бьет,
тихи дни и ночи...
А война идет!
Пусть слова льются
вместо свинца,
но бьются люди, бьются
до смертного конца.
Под одним небом —
правда и ложь.
Друг он или недруг —
не всегда поймешь...
Но порохом пропахшие
грозовой поры,
все перевидавшие,
строги и добры,
из огней-пожарищей,
из нынешнего дня
старшие товарищи
смотрят на меня...

* * *

Так и живем...
Как вечный крест несем,
под ношею невидимой сутулясь,
в кругу друзей,
на перекрестках улиц,
в трамвае и за письменным столом.